

восточная история в романах

Виталий ГЛАДКИЙ

ЭТАШ ЧЕРНЫЙ МОНАХ

Всемирная история в романах

Виталий Гладкий

Эсташ Черный Монах

«ВЕЧЕ»

2019

Гладкий В. Д.

Эсташ Черный Монах / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-8107-9

Жизнь знаменитого французского пирата Эсташа (Юстаса) Баскета по прозвищу Черный Монах послужила основой для средневековой легенды о благородном разбойнике – человеке необычного склада, создавшем себе репутацию прекрасного капитана. И все же безупречным он не был: служил разным господам и ни с одним из них не сохранил добрых отношений, а порой переходил в войне с одной стороны на другую, не считая это грехом. Непобедимый бретер, инок, изучавший черную магию, лесной разбойник, корсар, державший в страхе весь пролив Ла-Манш на протяжении двенадцати лет, – это Эсташ Черный Монах, которого ненавидели и французы, и англичане. Но через всю свою бурную, изобилующую приключениями жизнь он пронес страстную любовь к гордой красавице мавританке, ради которой готов был свернуть горы.

ISBN 978-5-4484-8107-9

© Гладкий В. Д., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Об авторе	6
Глава 1. Закадычные друзья	8
Глава 2. Гасконец	16
Глава 3. Матросский быт	26
Глава 4. Берберийские пираты	34
Глава 5. Махо	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Виталий Гладкий Эташ Черный Монах

© Гладкий В.Д., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Об авторе

Виталий Дмитриевич Гладкий родился 26 апреля 1947 года в селе Ярошовка на Сумщине (Украина) в казачьей семье. Он прямой потомок последнего кошевого атамана Задунайской Сечи и наказного атамана Азовского казачества Йосипа Гладкого. Отец, Дмитрий Николаевич, прошел Великую Отечественную войну от ее начала и до Победы. Ранения и перенесенные им тяготы военного времени не дали ему дожить до своего века. Он умер в 1955 году, на тридцать восьмом году жизни, оставив на руках жены, Екатерины Григорьевны, восьмилетнего сына и двухмесячную дочь.

Война вообще оставила на семье В. Гладкого глубокие кровотокающие зарубки. И не только Вторая мировая, но и Первая, 1914 года. Перед самой революцией в разведывательном поиске погиб прадед, гренадер-пластун, георгиевский кавалер. А в 1945 году погиб дед по материнской линии.

К труду Виталий Дмитриевич приобщился рано. Сначала пас общественное стадо, затем колхозных лошадей, а в двенадцать лет уже работал наравне со взрослыми: косил сено, возил зерно телегами на ток, строил дом и даже был помощником комбайнера.

Учился в основном на «отлично». По окончании восьми классов (1961) поступил в Глинский индустриальный техникум, который окончил спустя пять лет с дипломом техника-горняка. Затем поступил на вечернее отделение Донецкого политехнического института. Защитив диплом, ушел в армию. Служил авиационным техником в Красноярском крае.

Отслужив свой срок, вернулся в Донецк. В 1973–1978 годах трудился на заводах Донбасса, пока не уехал на Колыму. Кто был на Крайнем Севере, тот никогда не забудет этот период своей жизни. Суровая природа не любит изнеженных обывателей. А Виталий Дмитриевич к таким и не принадлежал, поэтому прижился на Колыме легко и безболезненно. Работал газосварщиком на заводе по ремонту бульдозеров в городе Сусумане, штукатуром-маляром, плотником, бетонщиком, трудился в старательской артели, работал художником-оформителем и охотником-промысловиком. Строил мосты, промышленял белку и горностая, оформлял интерьеры ресторанов и кафе, мыл золото... Пробыл он в районах Крайнего Севера восемь с половиной лет.

Свою писательскую деятельность начал на Колыме в 1979 году. Первый его рассказ назывался «Колымская быль». Он был напечатан в районной газете «Горняк Севера». Позже, уже по приезде домой, в московском издательстве «Молодая гвардия» был издан сборник рассказов В. Гладкого о Крайнем Севере под названием «Жестокая охота». Большей частью это автобиографические повествования о его приключениях в колымской тайге, пропущенные через жернова писательского восприятия. У Виталия Дмитриевича трое детей – сын и две дочери.

В 1980 году в областной газете «Магаданский комсомолец» выходит первая повесть Виталия Дмитриевича под названием «Оборотни», через год там же публикуется повесть «По следу змеи», потом в течение последующих двух лет выходят в свет повести «Плацдарм», «Золотая паутина», роман «Архивных сведений не имеется». Все эти вещи печатались в периодике, в журналах «Искатель», «Советская милиция», в «Воениздате» (серия «Сокол»), в различных сборниках и в дальнем зарубежье. В своих произведениях Виталий Дмитриевич часто описывает единоборства и прочие штуки подобного рода. И это вовсе не случайно. Спорт в юности был частью его жизни. Он занимался боксом, вольной борьбой, каратэ, был хорошим стрелком. Острый, динамичный сюжет и тщательно выписанные характеры героев – главная отличительная черта романов В. Гладкого.

По возвращении из районов Крайнего Севера долгое время возглавлял издательство «Отечество». Виталий Дмитриевич основал всеукраинскую литературную премию имени М. Старицкого за лучший исторический роман. Он и сам лауреат премии имени В. Короленко.

Издано свыше пятидесяти романов В. Гладкого, общий тираж которых вышел за пределы 8 миллионов.

Виталия Дмитриевича всегда привлекала историческая тематика. Он является автором трех энциклопедических словарей: «Древний мир» (1997), «Славянский мир» (2001) и «Словарь нумизмата» (2006). Кроме того, им написано девятнадцать исторических и историко-приключенческих романов. И первым из них был «Меч Вайу», роман о скифах, над которым, как ни удивительно, он начал работать в семнадцать лет.

Избранная библиография В.Д. Гладкого:

- «По следу змеи» (1988)
- «Меч Вайу» (1997)
- «Басилевс» (1997)
- «Тайна розенкрейцеров» (2004)
- «Ушкуйники» (2012)
- «Ассасины» (2012)
- «Тень Торквемады» (2012)

Глава 1. Закадычные друзья

Песчаный пляж был необъятным. Он тянулся вдоль побережья пролива из одного туманного конца в другой, растворяясь на оконечности мыса в золотистой дымке. Белый песок сверкал под ярким летним солнцем чистым серебром. Пляж был огражден скалами, которые далеко выдавались в пролив Па-де-Кале, – торчали из воды, как зубы огромного дракона, которого пронзил копьем святой Георгий Победоносец. Течения, достаточно сильные в Дуврском проливе, вблизи скалистых берегов ослабевали. Вода возле камней была гораздо прозрачней, нежели в других местах, здесь разрастались водоросли и обитало множество морской живности.

Эташ Баскет, сын Бодуэна Баскета, многоуважаемого пэра Булони, со своим закадычным дружкой Жоффруа де Люси собирали устриц. Они брели по песчаному берегу, на который сильный шторм выбросил много раковин. За пару часов корзина, которую носил на спине Жоффруа, изрядно потяжелела, и он простонал:

– Дружище, я изнемогаю от жары! Не пора ли нам отобедать? Отборных устриц в корзине хватит на четверых.

– Непременно! – охотно откликнулся Эташ. – Согласен! Айда в тень! Порыбачим ближе к вечеру...

По годам он был младше Жоффруа на год, но в их маленькой компании Эташ руководил. В нем был очень силен бунтарский дух. Его дерзкие вспышки неповиновения следовали одна за другой, и благонравный отец уже не знал, что делать со своевольным пятнадцатилетним отпрыском.

Сеньор Бодуэн Баскет не без некоторых сомнений надумал пристроить Эташа сначала на морскую службу, дабы тот освоил корабельное дело. Тем более, что так делали многие дворянские семейства графства. А как без этого в Ла-Манше? Ну а затем намеревался отправить его в славившийся своими школами Толедо, где сын должен был обучиться достойной для сына пэра и дворянина профессии. Какой именно, на семейном совете пока не определились. Но Эташ точно знал, что никакие науки ему не нужны. Он буквально бредил морем.

В детстве Эташ и Жоффруа соорудили плот и отправились в свободное плавание, – естественно, ничего не сообщив об этом родителям. Конечно же, мальчики не намеревались попасть на другой берег Па-де-Кале; просто они хотели поймать большого тунца – короля-рыбу, по понятиям булонских рыбаков (королевой считалась селедка). А тунец водился только на глубине, и достать его с берега, даже со скал, было невозможно. Но неожиданно разыгравшийся шторм начал сносить их в сторону коварных отмелей у побережья Англии, где погиб не один корабль.

Им здорово повезло в тот раз. Их подобрало небольшое, но очень быстроходное судно контрабандистов с треугольным косым – латинским – парусом. Такой парус был очень удобным для людей их профессии. Он позволял лавировать и неплохо ходить при боковых ветрах, что контрабандисты и оценили давным-давно.

Контрабандисты оказались людьми весьма сердобольными. Обычно люди их профессии опасаются брать на борт незнакомцев. Ведь уже случалось, что потерпевшими кораблекрушение притворялась береговая стража, которая так ловила контрабандистов с поличным – на «живца». Наверное, жалкие фигурки намокших мальцов не вызвали подозрений.

Став постарше, Эташ повторил попытку. И опять вместе с Жоффруа. Они умыкнули лодку с парусом у местного рыбака и отправились покорять Дуврский пролив. Обошлось без штормов и иных приключений, юные авантюристы наловили много рыбы, но по возвращении домой их ждали большие неприятности.

Возмущенный рыбак, который уже не чаял увидеть свою лодку-кормилицу, пришел на суд к самому пэру Булони – сеньору Бодуэну Баскету. Пришлось старику раскошелиться, чтобы замять скандал с сыном, хотя дела в его поместьях шли неважно, и семья часто сидела без денег. Нужно сказать, что только благодаря успехам Эташа в рыбной ловле семейство Баскетов (у Эташа было еще два брата) не голодало...

Подростки расположились под скалистым козырьком, который давал превосходную тень. В каменистом обрыве природа создала небольшое углубление в виде пещерки, где у мальчиков находился тайник, а в нем железная оконная решетка из полуразваленной булонской капеллы, которую все собирались восстановить, да никак не получалось.

Богохульство, только не для Эташа и Жоффруа. Нельзя сказать, что они были безбожниками, но святош недолюбливали и при случае высмеивали. Правда, втихомолку, между собой, – от греха подальше. На это у них ума хватало.

Решетка была прикрыта плавником и сухими водорослями (этого добра на пляжах побережья было полно), поэтому вскоре под скалами ярко и почти бездымно горел костер, а поверх него, на оконной решетке, аппетитно скворчали огромные раковины устриц – добытки поднимали только самые крупные. Выбрать было из чего.

– А как тебе это? – не без торжества в голосе сказал Жоффруа, достав из сумки вместительный узкогорлый кувшин, плотно закрытый деревянной пробкой, которая была залита смолой.

– Это что, перри¹? – с кислой миной спросил Эташ.

– Обижаешь! Настоящее «бордо»! Выдержанное в отцовских подвалах восемь лет! Пришлось немного повалить дурака перед экономом, но он все же милостиво выделил мне это превосходное вино, как я понял, из своих личных запасов. Старый лис хитрец еще тот.

– Превосходно! Обожаю это вино! А что касается эконома, то он прекрасно понимает, что скоро именно ты возглавишь семейство де Люси.

– Да, батюшка плох... Но видит Господь, мне совсем не хочется заниматься хозяйскими делами! Я в них дуб дубом. Сидеть днями в душном, пыльном кабинете, заваленном бумагами, и проверять отчеты управляющих поместьями... бр-р! Это ужасно! К тому же все они воруют и безбожно врут. А я не отец, который снисходителен к этим негодяям. И все им прощает. Неровен час, сорвусь, и полетит чья-нибудь башка на пол. Поташат меня к графу, на суд, а там, поди знай, как все обернется.

– И то правда, – согласился Эташ. – Но у тебя есть братья. Они вполне могут управлять вашими поместьями.

– Есть. Как и у тебя. Но только у моих еще молоко на губах не обсохло. Наворотят таких дел... Все по миру пойдем. Их-то мне не жалко, а вот матушку и сестрицу...

– Да уж... Для тебя это весьма убедительный довод самому стать сеньором. Надеюсь, чаши ты не забыл?

– Да что ты! Можно, конечно, и из горлышка, но мы ведь дворяне... черт возьми! Неприлично.

Подростки расхохотались и принялись трапезничать, запивая восхитительно ароматное мясо печеных устриц красным кларетом с привкусом земляники...

Довольный отлично проведенным днем и немного навеселе, Эташ шел по пыльной дороге, которая вела к загородному поместью семьи Баскетов. В одной руке он нес кукан, на который было нанизано несколько больших камбал и десятков морских петухов (их мясо считалось очень вкусным), а в другой – тяжелую сетку, в которой все еще трепыхались огромные креветки. Их любил отец, и Эташ, несмотря на все разногласия, всегда старался угодить ему.

¹ Перри – сладкий грушевый сидр. Как и яблочный сидр, появился в юго-западной части Франции в VI веке. Рецепт перри не предусматривает добавление в грушевый сок воды и дрожжей.

Особенно радовался Эташ, что ему удалось наловить триглы – морских петухов. Эта рыба имела белое, плотное и жирное мясо, которое почти лишено костей, и его очень уважала матушка. Она говорила, что мясо триглы по вкусу похоже на нежную паровую курятину. Хотя Эташу оно напоминало скумбрию, и он не был в особом восхищении от триглы.

Правда, из нее получалась вкусная уха, а уж марсельский суп буйабес был и вовсе выше всяческих похвал. Но о вкусах не спорят; главное, угодить матушке, пожалуй, единственному человеку из семьи Баскетов, который по-настоящему любил Эташа и прощал ему все его проказы.

Встречные вилланы² кланялись сыну пэра – некоторые в пояс, а другие лишь изображали поклон и старались быстрее пройти мимо. Лицо Эташа вдруг стало суровым и неприступным. И не потому, что он шибко гордился своим аристократическим происхождением и стоял гораздо выше на иерархической лестнице, нежели работники отцовских поместий. Отнюдь. В обхождении с простонародьем сын пэра был сам любезность. (Особенно с молодыми крестьянками.) Причина была в другом – Эташ знал, какие разговоры ведутся за его спиной.

Он родился в пикардийском поместье отца, в двенадцати римских милях³ от Булони. В ночь, когда Эташ появился на свет, в проливе разыгрался страшный шторм, сопровождавшийся невиданной грозой.

Казалось, что толстые столбы синего пламени вырастают прямо из воды и достигают небес. Ураганный ветер срывал крыши крестьянских хижин, ломал и выворачивал с корнем деревья, утаскивал с берега лодки рыбаков в бушующие воды Па-де-Кале и отправлял их на дно или в щепки разбивал о камни. А под конец этой феерии ужасов молния ударила в капеллу главного города графства Булонь-сюр-Мер и подожгла ее, после чего она превратилась в кучу закопченных камней вперемешку с железными деталями.

Первый крик крохотного Эташа совпал с грохотом, который потряс дом Баскетов до основания. Изрядно уставшая повитуха едва не уронила ребенка, но на помощь испуганной женщине подоспела старая служанка, которая впоследствии стала второй матерью старшего сына пэра. Роды были сложными, длительными, мать еле выжила после них, потому как Эташ вышел чересчур крупным.

Но повитуху, весьма неглупую женщину, которую за глаза все называли ведьмой⁴, так как она была еще и знахаркой, лечила крестьян травами и разными заговорами, потрясло не грозное природное явление, а родившийся мальчик. Его взгляд был чересчур смышленным для малыша, который только появился на свет, тельце новорожденного было не розовым, как обычно, а белым, крепким и упругим, и под левым сосцом находилось родимое пятно в виде осьминога.

Все бы ничего – булонские рыбаки, как велось издревле, отправляясь в море, брали с собой изображения с осьминогом, дабы получить от него защиту от дурного глаза и напастей, поджидающих отважных добытчиков в морских пучинах. Существовали предания, которые утверждали, что огромные осьминоги протягивали свои длинные щупальца на палубу судна, хватали не успевших спрятаться людей и утаскивали в мрачные глубины океана. Иногда боль-

² Вилланы – во Франции, Германии и Италии так назывались формально свободные крестьяне, несущие некоторые поземельные повинности за предоставление им феодалом земельного участка. В XII веке развитие феодального права привело к оформлению категории вилланов как единого сословия феодально зависимого крестьянства, противостоящего фригольдерам (свободным крестьянам). Главным правовым отличием вилланов от свободных крестьян стала их подчиненность в судебном отношении суду феодала и невозможность апеллировать к королевским судам. Виллан выполнял барщинную повинность для своего сеньора, право на распоряжение его наделом было сильно ограничено и зависело от воли феодала.

³ Римская миля, миллиатрий, – тысяча двойных шагов римских солдат в полном облачении на марше; путевая мера для измерения расстояния, введенная в Древнем Риме. Одна римская миля равна 1482 м.

⁴ Ведьма – в раннем Средневековье ведьмами, в особенности среди славян, называли мудрых женщин, которые «ведали» магию. Эта магия чаще всего обращалась к светлым силам Природы. Кроме того, нередко ведьмой называли повитуху, знахарку, гадалку и просто женщину, занимающую определенное положение в обществе.

шому спруту удавалось потопить целый корабль вместе с плывающей на нем командой. Мало того, некоторые рыбаки даже видели таких чудовищ. Поэтому изображения с осьминогом в первую голову должны были задобрить Кракена⁵, короля подводного мира; он был размером с небольшой остров. Но главная проблема заключалась в том, что родимые пятна считались метками дьявола. И повитуха должна была сообщить священнику о необычном родимом пятне на теле первенца пэра. А уж там как решит церковный синклит.

Бодуэн Баскет, напуганный таким поворотом дела, – его первая жена умерла на сносях, и второй раз он женился уже изрядно в годах, – решил вопрос с повитухой в привычной ему манере. Он отсыпал ей приличное количество серебряных монет за молчание. Женщина просто не могла отказаться от денег; для нее сотня денье⁶ была целым состоянием; пэр не поскупился, хотя и был не шибко богатым.

Но кому хочется, чтобы столь долгожданный ребенок попал в поле зрения святош. Это было чревато преследованиями со стороны Церкви до конца его жизни.

По настоянию императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы была разработана целая система розыска и выявления религиозных преступлений. Епископы, прибывавшие на новое место, подбирали людей из своей паствы, которые должны были открывать новому иерарху все преступления и злодеяния в этой местности, требовавшие церковного суда. В том числе они должны были доносить, кто из прихожан носит на теле «метки дьявола». Для этой процедуры был разработан опросный лист, в который в качестве доносителей попали лекари и повитухи.

Так вот, на следующий день после рождения Эсташа повитуха вдруг слегла в постель с неизвестной болезнью. Сильный жар туманил ей сознание и никакие ее снадобья – а они были очень сильными – не смогли спасти женщину от смерти. Скоропостижная кончина ведьмы поразила жителей Булонь-сюр-Мер и его окрестностей. Пошла молва, что это неспроста, что в смерти женщины как-то замешан новорожденный сын пэра.

Повитуха была небогатой, но когда ее хоронили, то обнаружили в узелке целое состояние – сотню серебряных денье. Постепенно странные обстоятельства кончины повитухи обросли слухами, домыслами, и в конечном итоге простодушные и обделенные большим умом вилланы и горожане Булони решили, что во всем виноват Эсташ.

Почему виноват, никто не знал, даже догадок на этот счет не строили, однако худая молва прилипла к нему с младенчества. А уж когда он подрос, начал шкодничать и устраивать разные каверзы, то все и вовсе утвердилось в этом мнении.

Будь на его месте кто-то другой, не миновать бы ему допросов с пристрастием в епископском подвале за его проделки, которые нередко были несомненным святотатством. Но дворянин, сын пэра Болони, был даже для святых отцов недосягаем. Впрочем, никто и не стремился обвинить в чем-то отпрыска сеньора Бодуэна Баскета. Сам епископ находился с пэром в дружеских отношениях. А Эсташ своей резвостью и светлым умом ему даже нравился. . .

Оказавшись в поместье, первым делом Эсташ отправился на поварню. Она находилась за домом – в пристройке. Там среди котлов-мисок-поварешек священнодействовал Жак Бре-

⁵ Кракен (*исланд.*) – мифическое морское чудовище гигантских размеров, головоногий моллюск, известный по описаниям исландских моряков. Будто бы кракену требуется три месяца, чтобы переварить проглоченную пищу. За это время он выделяет такое количество питательных экскрементов, что за ним всегда следуют тучи рыб. Если у рыбака получался исключительный улов, то про него говорили, что он «ловил рыбу на кракена».

⁶ Денье – французская средневековая разменная монета, которая была в обращении во всей Западной Европе со времен Меровингов. Впервые чеканился Пипином Коротким (752–768). То же, что и денарий. Денариями называли почти все серебряные монеты, которые чеканились в период Раннего и Высокого Средневековья. Их локальные наименования – данаро (денаро), динеро, динейро, динар. В германских государствах денье получило название «пфенниг», в англо-саксонских странах – «пенни». Вес денье из серебра 416,6 пробы равен 1,2 – 1,3 г. Один соль (солид, су) равен 12 денье. Самой мелкой монетой был обол – 1/2 денье.

тонец, повар Божьей милостью. Он мог буквально из ничего состряпать превосходный обед или ужин.

Аппетитные запахи поварни разбудили у Эташа зверский аппетит. Ведь устрицы уже давно переварились в желудке и даже успели его покинуть, поэтому живот подростка прилип к спине и настоятельно требовал наполнения.

– Ах, мсье, какая прелесть! – радостно воскликнул Жак, когда Эташ выложил свой улов на кухонный стол. – Завтра у нас будет превосходный обед! Суп, поджарка... М-м... Пальчики оближете!

Жак Бретонец был еще тем живчиком; иногда казалось, что он находится в двух местах одновременно. Круглолицый, розовощекий, хорошо упитанный, он катался по поварне, словно колобок, притом с невообразимой для нормального человека скоростью.

– До завтра еще дожить нужно, – резонно заметил подросток. – А я хочу поесть сейчас. Очень хочу, Жак. Я голоден, как сам Кракен!

– Ваша милость, подождите до ужина! Уже недолго осталось. За семейным столом...

– К дьяволу семейный стол! Тащи мне, что уже готово. А за столом я обязательно посижу. Не хочу огорчать матушку.

– Это верно. Сеньора Маргрит вас любит, даже боготворит, и не стоит ее обижать. Что ж, коли вам, мсье Эташ, захотелось чего-нибудь откусать, перебить голод, у меня для вас есть холодный «потжевлеш» из крольчатины в маринаде.

– А, давай «потжевлеш»! – махнул рукой Эситаш и вскоре уминал за обе щеки любимое блюдо фламандских крестьян.

– Ну как? – спросил Жак спустя некоторое время.

– Потрясающе! Ты маг и кухонный чародей! Ничего более вкусного я еще не едал. Как ты это готовишь?

– Да, в общем, просто. Беру мясо (можно любое), чеснок, морковь, чабрец, сельдерей, ягоды можжевельника, лавровый лист и пиво. Крольчатину режу на небольшие куски, затем мелко крошу сельдерей и чеснок, готовлю маринад, в который входят чеснок, пиво, чабрец, сельдерей, лавровый лист и ягоды можжевельника. Затем кладу мясо в горшок и заливаю его маринадом. В таком виде оно находилось сутки, после чего я переложил его в большую керамическую миску, залил мясо маринадом, уложил сверху кружочки нарезанной моркови и, плотно накрыв крышкой, поставил в хорошо разогретую печь. Крольчатина томилась со вчерашнего утра и до обеда. Достав мясо, я хорошенько остудил его и отнес в погреб. Вот и все. Ничего сложного. И теперь вы, сеньор, откусиваете его с огромным удовольствием.

– Не то слово! Я на вершине блаженства! Особенно хороша подливка, которая превратилась в ароматное желе.

– В этом-то вся соль... Хе-хе... – довольно хохотнул Жак.

Он симпатизировал Эташу. Хотя бы потому, что тот всегда был с ним вежлив и временами становился настоящим кормильцем семье, когда с деньгами у сеньора Бодуэна Баскета становилось туго. Это случалось нечасто, но все равно было неприятно. Хотя бы потому, что сам Жак любил хорошо поесть...

До ужина было еще много времени. Сеньор Бодуэн Баскет ужинал поздно, как было заведено в семье издавна (с той поры как его дед получил рыцарские шпоры), при свечах и зажженном камине. Эташ отправился на поиски Большого Готье, нанятого пэром Булони для своих мальчиков в качестве учителя воинских искусств.

Большой Готье немало повоевал, когда началось восстание англо-нормандской знати против английского короля Генриха II Плантагенета в 1173–1174 годах, которое возглавили трое его сыновей и жена, Алиенора Аквитанская. Восстание было поддержано королями Франции и Шотландии, а также графами Фландрии и Булони.

В 1170 году король Генрих серьезно заболел. Полагая, что его дни сочтены, он составил завешание о разделе своих владений между четырьмя сыновьями.

Королем Генрих Плантагенет назначил старшего, Генриха, который должен был также унаследовать отцовские владения во Франции (Нормандию, Анжу, Мэн и Турень). Следующий сын, Ричард Плантагенет, получал наследные владения матери – Аквитанию и Гасконь. Третий, Джеффри, получал Бретань – наследство своей жены, Констанции Бретонской. Только младший из сыновей, Джон (Иоанн) оказался обделен; он не получил никаких владений, хотя ему было обещано графство Мортен.

Генрих Младший, получивший позже прозвище «Молодой Король», был миропомазан и провозглашен королем. Желая обеспечить безболезненный переход короны сыну, Генрих II заставил всех баронов королевства, включая короля Шотландии Вильгельма I и его брата Давида Хантингдонского принести клятву верности Генриху Молодому, в результате чего тот стал королем Англии, признанным знатью.

Однако Генрих II выздоровел. Хотя Молодой Король был коронован, Джеффри после смерти Конана Бретонского в 1171 году был признан герцогом Бретани, а Ричард 11 июля 1172 года – герцогом Аквитании, старый король считал все эти церемонии лишь символическими. Он намеревался продолжать лично управлять своими владениями и делиться властью с сыновьями не желал.

Подобное положение не устраивало Генриха Молодого. В итоге против Генриха Старого началось восстание сыновей, душой которого была королева Алиенора.

Большой Готье подался в наемники к Генриху II. Король платил щедро. Но и воевать пришлось на полную катушку, притом против своих, французов. (Что потом он долго скрывал.) Наверное, Большой Готье родился от ведьмы, потому что у него, как и у Эташа, в районе поясницы находилось большое родимое пятно. И похоже, этот нечистый знак спас ему жизнь. Несколько небольших ранений были не в счет.

Большой Готье в конечном итоге отрестился от наемничества, благополучно пропил-прогулял все, что скопил своим ратным трудом, а так как был не женат, то поступил на службу к пэру Булони, благо его халупа находилась неподалеку от Булонь-сюр-Мер, в выморочной деревеньке, которую обезлюдили постоянные войны.

Учитель фехтования, как обычно, был слегка навеселе. Впрочем, это обстоятельство не сказывалось на его работе. Он отменно знал свое дело и гонял юного Баскета до седьмого пота, невзирая ни на какие жалобы.

«Терпите, мсье, – говорил Готье. – В настоящем бою вы мне спасибо скажете за то, что ваша выносливость находится на должной высоте. Там никто не станет предлагать вам немного отдохнуть, чтобы продолжить сражение. Рви жилы, дыши, словно загнанный конь, потей как в объятиях любимой женщины, – до седьмого пота – но дерись до последнего. Иначе все, какую. А с того света еще никто не вернулся».

Женщин Большой Готье упоминал часто. Это был его конек. Несмотря на то, что Готье считался ветераном, – ему недавно стукнуло двадцать семь лет – он пользовался большим успехом у деревенских девушек и служанок дома Баскетов. В его постели перебивали многие – как юные прелестницы, так и замужние женщины.

Готье был рослым широкоплечим малым со строго очерченным, «медальным» лицом и хорошо подвешенным языком. Он мог уболтать любую девицу. Впрочем, они и сами слетались к нему, как пчелы на мед.

Некоторые мужья знали о проделках своих жен, но даже самые отчаянные ревнивцы боялись иметь дело с Большим Готье. Он был здоров, как бык, и мог сломать любого.

– Жду вас с самого утра! – заявил Готье. – К барьеру, мсье, к барьеру! Сегодня я преподам вам урок обращения с кулачным щитом – баклером⁷. Я уже все подготовил, вот ваш учебный меч – и к делу, мсье, к делу!

Этот меч был гораздо тяжелее баселарда⁸, подаренного Эташу отцом на пятнадцатилетие. Так решил Большой Готье.

«Когда придет время драться по-настоящему, баселард покажется вам легким прутиком, – сказал он, вручая Эташу затупленную болванку без острия, выкованную местным кузнецом из простого железа, которая лишь отдаленно напоминала меч. – А еще мы утяжелим доспех. Я заказал пояс с карманами, куда положим свинцовые пластины. Это еще добавит вам выносливости».

Бедный Эташ изнемогал под тяжелым грузом, тем не менее от природы упрямый, сражался, словно одержимый, нередко кусая губы до крови, потому как временами было просто невмозможу махать тяжеленным учебным мечом, который казался ему гирей. А Большой Готье гонял его безбожно, лишь посмеиваясь над красным, как вареный рак, юнцом.

Временами Эташ начинал его ненавидеть, но, приняв омовение после учебного боя и чувствуя приятную легкость во всем теле, благодушно прощал своему наставнику его чрезмерное усердие.

Результаты стараний Большого Готье были налицо. Эташ легко побеждал Жоффруа, хотя раньше сын потомственного рыцаря Гийома де Люси был на голову выше него. Ведь другу дали в руки легкий учебный меч, едва тот встал на ноги.

А у сеньора Гийома особо не забалуешь, он учил Жоффруа всем рыцарским премудростям с младых ногтей. Притом так ретиво, что бедный мальчик готов был волком завывать, ведь занятия начинались с раннего утра и часто длились до вечера без выходных, а иногда и по праздникам.

Жоффруа блаженствовал только последний год; теперь у него появилась уйма времени. Правда, не от хорошей жизни. Сеньор Гийом слег и лекарь по секрету шепнул Жоффруа, что дни отца сочтены.

Нанять учителя фехтования не было никакой возможности – семья де Люси была в таком же состоянии, как и семья Баскетов. Фамильные поместья едва сводили концы с концами, и поправить дела не смог даже новый управляющий-валлонез, нанятый сеньором Гийомом незадолго до его болезни.

– Ну что, начали? – спросил Большой Готье, привычно помахивая такой же болванкой, как и та, что была в руках Эташа.

Подросток невольно поморщился, вспомнив, с какой силой может молотить по щиту его наставник. Так это по большому, достаточно крепкому. Эташ покосился на крохотный баклер в своей левой руке и лишь горестно вздохнул; да уж, сегодня ему придется точно не сладко.

– Баклер нынче входит в моду, – начал свою «лекцию» Готье. – Как по мне, так он в бою бесполезен. Лучше вооружиться мен-гошем⁹, ежели щит превратился в хлам. Но в поединке чести, один на один, баклер может быть незаменим. С ним легко обращаться, а удары он держит не хуже большого щита. Итальянские дворяне не мыслят себе жизнь без баклера; это нужно

⁷ Баклер – чаще всего металлический круглый щит 20–40 см в диаметре. Баклер имел одну рукоятку, которую воин сжимал в кулаке, из-за чего его называли «кулачными щитами». Баклеры использовали кельты и франки. Такие щиты встречались у византийцев, откуда, по-видимому, они и попали в Западную Европу, где баклер получил широкое распространение в XII–XIII веках.

⁸ Баселард – тип кинжала и короткого меча, распространенного в Европе с конца XII века. Клинок баселарда прямой, относительно узкий, как правило, четырехгранного сечения, заметно сужающийся к острию. Баселарды чаще всего производились одного из трех размеров: 35 см, около 70 см и до 100 см. Баселарды составляли часть комплекта рыцарского вооружения. Кроме того, они были широко распространены среди торговцев и фригольдеров – свободных землевладельцев.

⁹ Мен-гош, дага – левая рука (*фр.*). Кинжал для левой руки. Во Франции так же назывался стиль сражения с оружием в обеих руках.

учесть, ведь нарваться на горячего сеньора проще простого. Любой из них, не думая, сразу хватается за меч. Учтите это, мсье. Щиты они носят всегда с собой, на ремне или на крюке у пояса.

Эсташ кротко кивнул головой, поправил шлем-капеллину¹⁰, и занятия начались...

¹⁰ Капеллина, шапель – шляпа (*фр.*). Общее название наиболее простого типа шлемов в виде металлических колпаков с полями. В капеллинах не было предусмотрено бармиц, полумасок или забрал, однако форма их очень значительно варьировалась. Подобные варианты были одними из самых дешевых и применялись пехотой.

Глава 2. Гасконец

Сеньор Бодуэн Баскет принимал своего доброго знакомого – арматора¹¹, торговца, капитана и, по удобному случаю, пирата Пьера Фарино. Обед был накрыт богатый.

Кроме даров моря, которые появились на столе пэра благодаря Эташу, подали очень вкусную отварную колбасу из Камбре с луком-пореем и острым соусом, петуха в пиве с шампиньонами и луком в сметанном соусе, тушеного кролика с черносливом, салат из маринованной сельди под соусом из яблочного сидра, лука и сливок, горячий «вельш» из сыра, темного пива, ветчины, хлеба и жареных яиц, медовые фламандские гофры, несколько видов пирогов с разной начинкой, великолепный, хорошо подрумяненный белый хлеб с пылу с жару, душистый до невозможности... И главное – превосходное монастырское вино, бочонок которого подарил пэру знакомый настоятель обители.

В общем, повар Жак Бретонец не ударил в грязь лицом.

Разговоры вращались вокруг да около морских дел. Пьер Фарино пока еще не знал, какой «подарок» в лице своего сына-шалопая, которого надо обучить морским премудростям, приготовил ему пэр. Конечно, он понимал, что приглашение на обед к такой знатной, по меркам Булони, персоне – это неспроста. Но капитан думал, что сеньор Бодуэн Баскет опять затевает какое-то торговое предприятие, и мысленно отрекся от него.

Дело заключалось в том, что все начинания пэра на торговом поприще обычно заканчивались фиаско. Это происходило регулярно. Сам капитан едва не разорился, согласившись однажды на авантюру Бодуэна Баскета.

Естественно, отказать такому знатному господину было себе дороже, ведь семья Фарино проживала в Булонь-сюр-Мер, который находился всецело во власти пэра. Но и рисковать своим будущим у капитана не было никакого желания, хотя он понимал, что сеньор Баскет все равно от него не отстанет; он был прилипчив, как смола.

Чтобы немного оттянуть время главного разговора, Пьер Фарино заливался соловьем. Он сетовал на «береговое право», этот бич всех капитанов, которые плавали в Ла-Манше.

– ...Между прочим, в 1179 году на Латранском соборе святые отцы постановили отлучать морских грабителей от Церкви. И что? А ничего! Этот закон остался мертворожденным. Изверги, которые заманивают корабли на отмели и прибрежные скалы, спасшихся при кораблекрушении лишают права выкупа, а то и убивают.

Капитан горестно вздохнул и промочил сухое горло добрым глотком вина.

– И все равно грабежи севших на мель судов продолжают! – сказал он с горечью и оторвал куриную ножку. – Законы «Олеронского морского права» строго карают грабителей морских побережий, но грабежей меньше не стало. Морских мародеров время от времени публично казнят, но это их не пугает.

Сеньор Бодуэн Баскет промолчал. В этот момент он подумал не без сожаления, что его поместья находятся слишком далеко от береговой линии.

На протяжении многих веков кораблекрушения у берегов Европы являлись неиссякаемым источником обогащения их обитателей. Ценный груз купеческого судна, разбившегося на камнях, мог обеспечить процветание многим семьям на целые годы; одно кораблекрушение богатого «купца» часто изменяло судьбу обитавших на берегу моря жителей, делая их зажиточными. И естественно, самые ценные пенки снимали владетельные сеньоры, которым принадлежала местность, где корабль сел на мель.

Дошло до того, что один нормандский священник, разгневавшись на своих прихожан за несвоевременный взнос церковных денег, в своей проповеди укорял жадин и доказывал, что

¹¹ Арматор – судовладелец; лицо, снаряжающее корабль.

Господь в наказание за их нерадивость вот уже двенадцать лет кряду не посылает на берег его прихода ни одного кораблекрушения.

Промысел заманивать корабли на скалы и грабить груз особенно процветал на юго-западном побережье Англии. Скалистые мысы Данженес, Бичи-Хед, Порт-ленд-Бил, Лизард и Лендз-Энд были настоящими кладбищами кораблей. Жители южного побережья Англии имели мрачную репутацию грабителей погибающих на скалах судов.

Но особой изобретательностью в деле грабежа отличались обитатели островов Силли. Расположенные в двадцати восьми милях к юго-западу от мыса Лендз-Энд, они включал в себя сто сорок пять островов и больших скал, из которых только шесть были обитаемы.

Острова Силли расположены на одном из самых оживленных судоходных путей северной Европы. С древнейших времен они были местом постоянных кораблекрушений. Когда задувают западные ветры, огромные океанские волны с яростью обрушиваются на этот форпост Ла-Манша. Мощь этих волн была потрясающая. Они сносили даже прочные маяки. Можно представить положение корабля, оказавшегося среди таких волн у этих островов...

Восточный и северный ветры по силе не уступали западному. Бывали случаи, когда суда в течение многих дней пытались вырваться из окружения подводных скал Силли, но западный ветер все равно выносил их на берег, где они погибали. Когда ветра не было, острова обычно затягивал туман. Большая часть кораблекрушений происходила здесь именно во время тумана.

Жажда легкой наживы толкала людей на любые злодеяния и ухищрения. Грабители разрушали маяки и навигационные знаки, выставляли ложные в опасных для судоходства местах, подкупали лоцманов, чтобы те вели суда прямо на мели или те места, где команде было трудно защищаться от нападения.

Когда стихия оказывалась беспомощной перед моряками, мародеры ночью подвешивали к уздечке лошади зажженный фонарь, спутывали ей ноги и водили прихрамывающее животное по берегу. Проходящее мимо судно, приняв колеблющийся свет фонаря за сигнальный огонь на плывущем корабле, подходило слишком близко к берегу и разбивалось о камни.

Иногда зажженный фонарь привязывали к рогам голодной коровы и пускали ее пастись в определенном месте на прибрежный луг. Корова гуляла, пощипывала траву, а моряки, оказавшиеся близ страшных островов, принимали «коровий маяк» за огонь корабля, раскачивающегося на якоре в тихой гавани. Они брали курс на этот огонь и вскоре оказывались на камнях.

Бывало, что фонарь привязывали к спине или хвосту осла и гоняли его вдоль берега. А в ночной тьме мореплаватели принимали этот огонь за корабельный; раз идет судно, значит, там безопасный фарватер.

Морские волны надежно скрывали следы трагедии, и преступники оставались безнаказанными. Лучшим временем для таких делишек были темные ночи, поэтому луну грабители кораблей считали своим злейшим врагом.

Обитатели островов Силли из палисандра, тика, черного и красного дерева городили загоны для свиней. Из шпангоутов, бимсов, килей и палубных досок они сооружали себе дома, которые внутри обставляли мебелью, добытой с погибших кораблей. Прежде малоимущие жители Силли стали привыкать к хорошим сортам вин и разным деликатесам, а жены рыбаков щеголяли в платьях из бархата и шелка.

Ссылаясь на церковные законы о том, что погибших при кораблекрушении нельзя предавать земле и что в субботу оказывать помощь гибнущим в море – великий грех, жители островов Силли смотрели на кораблекрушение у своих берегов как на «Божью благодать». У них был даже свой покровитель – святой Варна. Они бросали в колодцы иголки и молили его ниспослать к утру кораблекрушение.

– Какая прелесть! – восхитился капитан, когда настал черед сладостей.

Он попробовал пирог, который назывался «тарт а либули». Начинка пирога состояла из горячего молока, меда, сливочного масла, ванили и взбитых яиц. Этот традиционный пирог в

районе Па-де-Кале любили с давних пор. Без него не обходилось ни одно семейное застолье, особенно в период ярмарок.

– У меня отличный повар! – не преминул похвастаться сеньор Баскет.

– Мне бы такого кока на корабль... – Капитан мечтательно вздохнул. – Мой Матье Обжора может довести любой, самый лучший продукт до состояния полной несъедобности.

– Кстати, о вашей команде, мой любезный друг... – подхватил пэр, решив, что настало время приступить к делу.

Пьер Фарино насторожился и даже отложил в сторону кусок пирога. Вот оно! Сейчас сеньор Баскет назовет цену, которую ему придется заплатить за столь превосходный обед.

– Как вам известно, – продолжал пэр, – у меня есть сын Эташ. Он буквально бредит морем! Ему исполнилось пятнадцать лет, и неплохо бы научить его морским премудростям, в том числе и навигации. Лучшего учителя, чем вы, достопочтенный мсье Фарино, я просто не вижу. Мне хочется, чтобы он был зачислен в команду судна в качестве... в каком именно качестве, вам решать! – поторопился закончить свою речь сеньор Баскет, заметив, что капитан нахмурился.

Капитан хорошо знал, что собой представляет Эташ Баскет. Забияка, бретер (правда, его поединки еще не оканчивались гибелью соперника, лишь легкими ранениями, что для дворянских детей было честью), возмутитель спокойствия и хитрец, каких поискать. Взять в команду (да еще и обучить!) такое «сокровище» – это значит получить головную боль на много дней.

– Сеньор, простите, – осторожно начал Фарино, – но я могу предложить ему лишь должность шипбоя¹²...

– Все равно! – обрадовался пэр. – Я согласен!

– А как насчет самого мсье Эташа?

Надежда умирает последней, и капитан все же рискнул задать такой вопрос, хотя знал, что в дворянских семьях слово отца – закон.

– Он будет прыгать от радости под потолок!

Капитан тяжело вздохнул, залпом допил свое вино и уныло ответил:

– Что ж, коли так... Я отбываю послезавтра рано утром из порта Болонь-сюр-Мер. Корабль мой называется «Трумель». Да вы знаете... «Трумель» стоит у крайнего причала, под погрузкой. Впрочем, Эташу любой укажет место стоянки моего корабля. Остается последнее... – Пьер Фарино немного помедлил, а затем с видом купальщика, который решил броситься в зимние холодные воды пролива, продолжил: – Обговорить условия!

Этот поворот в разговоре не понравился сеньору Баскету. Конечно, он знал, что за обучение придется платить, но этого ему очень не хотелось. Он нахмурился, пожевал губами и наконец осторожно молвил:

– Я думаю, что своей службой в качестве шипбоя Эташ частично оплатит ваши услуги, мсье капитан...

– Именно так – частично! – решительно заявил Фарино. – Мне придется уделять ему много времени – морские премудрости нелегки, чтобы их постигнуть, нужны определенные усилия как ученика, так и наставника.

Сеньор Баскет повертел в руках пустой кувшин и приказал:

– Вина! Да побыстрее!

Слуга не замедлил исполнить приказание. Он наполнил кубки господ и удалился.

– Есть предложение, мсье Фарино, скрепить наш уговор этим добрым вином, – сказал пэр. – Виноград, из которого оно сделано, рос на монастырских холмах, поэтому наша договоренность практически священна. А что касается оплаты, – сеньор Баскет не дал открыть капитану рот, – то поговорим об этом, когда закончится обучение. Я должен получить не

¹² Шипбой (англ.) – корабельный мальчик; юнга.

безграмотного морского скитальца, который научился лишь подлой плебейской брани да травить соленые морские байки, а, скажем, помощника мастера¹³. Это мое условие! – повысил он голос. – Товар должен быть качественным! Только тогда будет соответствующая оплата ваших трудов, мсье капитан.

– Резонно... – Капитан понял по тону пэра, что спорить с ним бесполезно; сеньор Баскет, несмотря на свою мягкую натуру, временами был упрям, как осел. – Я постараюсь, сеньор...

Эташ, который подслушивал их разговор, радостно улыбнулся. Быть шипбоем, конечно, не совсем комфортно (дворянин на побегушках у простолюдина – а капитан не был аристократом – это практически позор!), но подросток хорошо знал, что Пьер Фарино один из лучших арматоров и капитанов Болонского порта. А его когг¹⁴ «Трумель» – превосходная посудина, новенькая, что называется, с иголочки...

Новый шипбой «Трумеля» сидел в крохотной каморке, где хранилась всякая всячина, и читал, что было написано в изрядно потрепанной книге в кожаном переплете. Свод морских обычаев в начале XII века был кодифицирован в так называемые «Олеронские свитки», или «Морское право», и введен в Западной Европе повсеместно. Именно эти правила и изучал Эташ.

Капитан Пьер Фарино, хорошо осведомленный о том, что собой представляет сын пэра Булони, решил не рисковать, а сразу дать ему понять, что морская служба не мед и мальчишеские проказы следует оставить за бортом. Мало того, он потребовал, чтобы «Морское право» Эташ выучил наизусть!

Пришлось подчиниться. Иначе мсье Фарино вполне резонно имел право высадить Эташа в ближайшем порту – за неподчинение капитану. Наказать его физически он, конечно, не мог – это было бы чересчур. Все-таки Эташ дворянин. К тому же сын столь высокопоставленной персоны. Но вот избавиться от напасти, которая свалилась на его бедную голову, капитан имел полное право.

Морское право включало в себя двадцать четыре статьи. Эташ, наверное, в сотый раз повторял их, притом вслух:

– Хозяин судна имеет право выбирать свою команду по своему усмотрению; никто не может его заставить взять моряка, который ему не нравится.

– Матросы должны спать одетыми.

– Те, кто ночует в порту, а не на судне, считаются вероломными и способными на клятвopреступление.

– Хозяин должен держать правонарушителей под арестом и передать их в руки правосудия по прибытии на берег.

– Он не должен вымещать свой гнев на матросе, а должен выждать момент, когда снова обретет хладнокровие.

– Моряк должен сносить пощечину или удар кулаком от своего хозяина, но если хозяин его преследует, то он может укрыться за какой-нибудь перегородкой, и приготовиться защищаться, призывая в свидетели своих товарищей.

– Если моряк ударит своего хозяина или поднимет на него оружие, то он прикрепляется за руку к мачте с помощью остро заточенного ножа.

¹³ Мастер – корабельный штурман.

¹⁴ Когг – высокобортное одномачтовое палубное судно с рейковым прямоугольным парусом около 200 кв. м, длиной до 30 м, шириной до 8 м, осадкой 3 м и грузоподъемностью до 200 тонн. Борты у когга были выпуклые (по-древнегермански kugg – выпуклый), штевни прямые, скошенные к линии киля. Кормовая надстройка (ахтеркастль) была конструктивно связана с корпусом. На ахтерштевне крепилась платформа с зубчатым ограждением для вооруженной команды, пращников и стрелков из лука. Кормовая площадка занимала около половины длины судна. Под ней располагалось помещение, имеющее вход с палубы, в бортовых стенках которого иногда прорубались окна, и каюта капитана. Форштевень заканчивался наклонной мачтой – бушпритом, служившим для растяжки паруса спереди.

- За брань полагается штраф.
- Вору остригают голову, а затем льют на нее кипящую смолу.
- Того, кто убил своего товарища на борту судна, привязывают к жертве и обоих бросают в море; если это происходит на суше, то убийцу и жертву вместе зарывают в землю...

Скрипнула дверь каморки, и в нее заглянул еще один шипбой, которого звали Жанне. Мальчишки из простонародья, пришедшие на корабль, изначально получали должность шипбоя самого низкого ранга. Практически они были слугами: помогали коку, занимались мытьем посуды, драили палубу, штопали одежду матросов и вообще делали все, что прикажут, – самую грязную и неприятную работу. В бою эти шипбои подносили булыжники к камнемётным машинам, дротики пехотинцам и стрелы лучникам, а также помогали судовому лекарю ухаживать за ранеными.

Но были еще и шипбои-сеньоры, ученики-дворяне, проходившие практику на корабле, – чтобы набраться опыта и в перспективе стать капитаном или мастером. Они не использовались как слуги, а в плавании обычно находились на верхней палубе, вместе с офицерами, – учились работе с парусами и навигации. А в сражении были обязаны драться наравне со всеми холодным оружием. Именно на такую должность и определил капитан Эташа.

Конечно, подросток, достаточно неглупый для своего возраста, отдавал себе отчет в том, что за столь короткое время, отведенное ему на обучение морским премудростям, он никак не сможет достичь больших успехов в кораблевождении. Но от природы упрямый, Эташ с таким рвением приналег на разные морские науки, что капитан Пьер Фарино диву давался. И что самое интересное – новый шипбой стал едва не образцом прилежания. Хотя один случай чуть не испортил все.

Лишь только Эташ появился на палубе когга, как матросы стали над ним подшучивать. Это было заведено издавна – обучение любого новичка морскому делу начинается с различных подковырок, розыгрышей, в особенности шипбоя, которому не грех дать и подзатыльник. Естественно, капитан объяснил матросам, что их новый шипбой – дворянин и руки распускать не следует. Однако не все вняли предупреждению Пьера Фарино.

Случаются среди людей (и их немало) злобные существа, которым сделать какую-нибудь гадость ближнему – большая радость. Тем более, когда тот стоит выше и по статусу, и по уму. Именно таким был матрос Берар Шартье по прозвищу Гасконец.

С виду он смахивал на обезьяну, только не рыжую, а черную, – с физиономией, которая мохнатила по самые глаза, и очень длинными, до колен, руками. Его засаленная одежда издавала неприятный запах, от которого воротило даже бывалых моряков, но Шартье на такие «мелочи» не обращал никакого внимания.

Водные процедуры он принимал от случая к случаю. В море вообще невозможно было помыться – пресная вода считалась большой ценностью, чтобы тратить ее на личные нужды. Воду запасали для того, чтобы утолить жажду и приготовить еду. Даже миски и казанки мыли забортной водой. А на суше Берар в основном торчал в портовой таверне или возился с женщинами легкого поведения.

За них он платил больше всех; вонь, шедшую от него, могла выдержать не всякая распутница, поэтому приходилось приплачивать, иначе он рисковал вообще остаться без женского общества. По этой причине деньги у Шартье заканчивались быстро, так что он большей частью слонялся по палубе корабля, конечно же, будучи не в духе и потягивая дрянное кислое вино из местных виноградников, стоившее очень дешево.

Берар невзлюбил Эташа с первого взгляда. Мальчик был свежий, чистенький, как пасхальное яйцо. Мало того, взгляд нового шипбоя показался Шартье чересчур дерзким, а вид – заносчивым.

Возможно, так оно и было – Эташ знал себе цену. Но других матросов он сразу подкупил вежливостью в обращении и постоянной готовностью помочь в работе. Утром Эташ

частенько помогал откачивать воду из трюма – «Трумель» хоть и был новой постройки, но как ни тщательно конопать судно, а все равно забортная вода где-нибудь да просочится.

Помпа стояла в твиндеке – междупалубном пространстве, ее шланг был короткий, и воду приходилось поднимать вверх в парусиновых ведрах. Эташ диву давался: почему бы не поставить шланг подлиннее? Тогда вода стекала бы по палубе в шпигаты. И не нужно было бы задействовать для откачки треть экипажа.

Лишь несколько позже он смекнул, что капитан намеренно не делает этого – чтобы было чем занять скучающих матросов. А скука на корабле часто приводила к конфликтам.

Кроме того матросам приходилось выполнять и иные работы: тянуть, двигать, поднимать, выбирать слабинку и карабкаться по снастям. На борту когда было два главнейших орудия труда – шпиль и такелаж. Шпиль был великим новшеством на корабле. На других парусниках якорь вываживали вручную. Это была адская работа. Где капитан Фарино подсмотрел идею, у кого, оставалось тайной. Но благодаря шпилю ему удалось сократить количество матросов, а это уже была большая экономия средств.

Шпиль представлял собой ручной ворот, предназначенный для отдачи и подъема тяжелого якоря. Головка шпиля была как бы осью огромного колеса, спицами которого являлись восемь вымбовок – прочных деревянных шестов. Схватившись за них обеими руками, налегая грудью, люди вращали шпиль. Словно арестанты на тюремном дворе, матросы тяжело топали вокруг шпиля, наматывая или разматывая канат.

И конечно же, Эташ был вместе с ними. Он жаждал досконально освоить морскую науку – через тяжкий труд и кровавые мозоли. Мальчик ничего этого не боялся.

Нигде нет тяжелее учебы, чем на море. В первую очередь нужно обрести «морские ноги» – научиться прочно стоять и шустро бегать по зыбкой палубе, да так, чтобы не смыло за борт во время шторма или сильной качки. Затем следовало обучение морским терминам и приобретение нужной физической закалки.

А еще Эташу как шипбою-ученику доводилось стоять вахты. По ним были расписаны почти все члены экипажа, сменяясь поочередно через каждые четыре часа. Матросы вахты должны были работать с помпами, теревить паклю, смолить канаты (нередко они натирались просто шкуркой свиного окорока), прибирать палубу, красить, конопатить, выполнять множество других дел – всего не перечесать.

Незадачливый вахтенный, застигнутый ночью спящим на посту, считался конченным человеком. Если даже ему дарили жизнь, то его ожидало протягивание под килем или наказание плетьюми.

Моряки ориентировались во времени по специальным песочным часам. Песок из верхней колбы пересыпался в нижнюю за полчаса. Это время соответствовало одной склянке, что и отмечалось ударом в судовой медный колокол, и так восемь раз за вахту. Когда после седьмой склянки песка в верхней колбе оставалось совсем мало, матросы, готовясь отправиться на отдых, пели: «Во славу Господню, семь миновало, пройдет и восьмая. Аминь!» Пелось это в самые уши товарищей следующей смены, да так, что те вскакивали, как ошпаренные.

Но самой скверной была «собачья вахта», или просто «собака» – с полуночи до четырех часов утра. Она считалась самой неприятной, так как проходила в непрерывной борьбе со сном. «Собака» была часами исповеди и мечтаний, и хотя вокруг царила сплошная темень, Эташа не покидало живое ощущение близости неведомого мира. С этой вахты он возвращался усталый телом и измученный душой.

То ли реальные, то ли воображаемые, но всегда зловещие видения возникали при рождении на море нового дня. Станные, никогда ранее не слышанные, а может, просто не замечаемые, клокочущие и стонущие звуки вырывались из воды. А в мрачной глубине что-то двигалось, колыхалось...

Приходилось Эсташу сидеть и наблюдателем в «вороньем гнезде»; капитан не делал новому шипбою-ученику никаких скидок. В первый раз его прошиб холодный пот, когда Эсташ заметил на рассвете это таинственное движение в морской глубине. А когда он спускался на палубу, чтобы размять слегка ноги, вокруг него носились призраки, порожденные ночной жутью и туманными испарениями моря.

Время суток на судне – понятие весьма относительное; то, что для одних ночь, для других – рабочий день. К тому же свободное от вахты время вовсе не сулило людям спокойного отдыха.

Чтобы спать днем в том помещении, где матросы другой вахты ели, разговаривали, смеялись, сквернословили, надо было обладать закаленными нервами. Кроме того, свободную вахту частенько вырывала из объятий Морфея заливиная дудка боцмана, призывая на помощь при каких-либо срочных работах.

Все без исключения должны были занимать свой пост на палубе и при сложных парусных маневрах, особенно при поворотах оверштаг и изменении галса, а также при штормовом предупреждении. А еще была приборка палубы, которой команда занималась практически в полном составе.

Орудием для приборки служил огромный, плоский снизу и утяжеленный сверху кусок пемзы, привязанный к длинной веревке. Пемзу возили взад и вперед по смоченной предварительно водой и натертой мылом палубе.

Покончив с этим, доски палубного настила снова окатывали морской водой из сотен ведер и лоханей. Грязь так и бежала по шпигатам. Затем наступал черед сухой приборки. Инструментами для этой процедуры были швабра с намотанной на нее тряпкой. Вода, пропитавшая палубные доски, выжималась шваброй и отгонялась к шпигатам.

И в холод, и в дождь босые, с закатанными штанами матросы должны были приступать к приборке и проводить более двух часов в ледяной воде. Труднодоступные места палубы можно было драить, только стоя на коленях, с помощью малого куска пемзы, получившего среди матросов название «песенник».

Эсташ уже многое знал, так как его любовь к морю началась в детстве. Он вырос на морском берегу, и впитывал науку о такелаже и парусах с молоком матери. Старые морские волки, отдыхая перед очередным плаванием, обучали малышей Булони ради развлечения основам всей этой премудрости по построенным собственными руками моделям судов.

До наступления весны многие корабли коротали зиму в родной гавани. И естественно, мальчишки превращали палубы судов в площадку для игр и гимнастических упражнений. Лучшей тренировки для будущих моряков, чем затеваемые ими состязания в карабканье по снастям, трудно было придумать.

И в этом Эсташ многим давал фору. Он был ловким и цепким, обладал потрясающей реакцией и недюжинной силой, которую трудно было распознать в его худощавой фигуре.

Однако иной раз на когте выпадали и блаженные часочки, когда настоящего дела у матросов почти не было. Это случалось, когда корабль нес на полном парусе пассат или его настигал штиль. Только тогда команда «Трумеля» могла всласть отоспаться. В помещениях для команды было душно, и матросы устраивались чаще всего на свежем воздухе на теневой стороне палубы или прятались от солнца под тентом из старой парусины.

Но моряки не привыкли к длительному безделью, и уже через несколько часов жажда деятельности вновь обуревала их. Игра в карты на «Трумеле» была строжайше запрещена, потому как случалось, что кое-кто просаживал в азарте весь свой заработок. Капитан, застигнув матросов на месте преступления, выбрасывал «чертов песенник», как именовали карты, за борт.

Хорошо отдохнувшие матросы принимались за приведение в порядок одежды или за всевозможные поделки. Обрывки тросов превращались в их искусных руках в прикроватные

коврики и маты. Многие резали по дереву. Ни один морской сундучок не обходился без резьбы и прочих украшений.

Именно в такой приятный во всех отношениях день, когда когг весело прыгал по волнам, подгоняемый попутным ветром, и случился у Эсташа конфликт с Бераром Шартье. Поскольку он часто находился при капитане, а младший шипбой где-то запропастился, Пьер Фарино послал его к провиантмейстеру, чтобы тот выдал Эсташу кувшин доброго вина из личных запасов арматора.

Бездельничающий Берар, которой не любил никаких матросских ремесел, валялся на палубе, как обычно, источая препаскудный дух. Поэтому команда когга старалась держаться от него подальше (хотя и от них несло, как из помойного ведра; впрочем, не так сильно, как от Гасконца), и возле Шартье образовалось свободное пространство.

Он откровенно скучал; ему не с кем было даже словом перемолвиться. Завидев Эсташа, который бережно нес кувшин, прижимая его к груди, при этом стараясь подладиться под ритм качки, Гасконец скверно ухмыльнулся и неожиданно далеко вытянул свои длинные тощие ноги, преграждая шипбою путь.

Подросток, не ожидавший такой каверзы, зацепился за неожиданную преграду, споткнулся и упал, но сумел так хитро извернуться в полете, словно кошка, что кувшин оказался у него на животе и уцелел. Но о палубу он приложился основательно.

Ему стало не только больно, но и обидно. Шартье постоянно его преследовал, устраивая мелкие пакости, но Эсташ старался не поддаваться на провокации. Он боялся, что Гасконец это делает по указке капитана, чтобы тот имел полное основание избавиться от ученика, своей головной боли, как считал шипбой. Правда, Пьер Фарино неожиданно почувствовал вкус в своих занятиях с Эсташем. Мальчик, обладая великолепной памятью, схватывал морскую науку буквально на лету.

Ярость помutilа разум Эсташа. Он аккуратно поставил кувшин под мачту, под издевательский смех Гасконца нашел кусок каната длиной примерно в шесть локтей – этого добра на палубе хватало, и неожиданно хлестким ударом заставил Берара заткнуться.

Удар пришелся по физиономии, и какое-то время матрос ошалело мотал головой, потому как у него перед глазами сверкали звезды. Но затем, осознав, какую обиду нанес ему мерзкий шипбой, он подхватился на ноги и с ревом бросился на Эсташа.

Дальше мальчик делал все на удивление хладнокровно. Он опять хлестнул матроса, но на этот раз по ногам. Канат обвил правую ногу Шартье, и Эсташ с силой дернул веревку на себя. Конечно же, Гасконец упал. Притом с грохотом, так как был костлявым и жилистым.

Еще миг – и канат снова оказался в руках Эсташа. Он стоял над поверженным Шартье, страшный в своем безмолвии. Инцидент не остался незамеченным. Драчунов мигом окружили матросы, но никто не стал их уговаривать разойтись с миром. Скучная размеренная жизнь в течение двух дней, пока дул попутный ветер, предлагала интересное развлечение, так зачем портить увлекательное зрелище вмешательством? Шипбой против просоленного морского волка!

Это было что-то...

Берар пенился от злобы. Он родился в Гаскони и был бастардом – внебрачным сыном обедневшего дворянина-пикардийца. После рождения Берара его мать-гасконку перестали допускать в отцовское поместье, и она жила в нищете. Поэтому Берар в раннем возрасте ушел из дому и стал морским скитальцем – ни жилья, ни семьи, ни денег, чтобы начать другую жизнь. Да он и не собирался что-либо менять в своей судьбе.

Берар не был совсем уж глупым, но кровь бастарда давала о себе знать. Бастарда, да еще и гасконца, заводного и горячего, как пламень. Берар считал себя высокородным, поэтому появление на когге Эсташа он воспринял как личное оскорбление. В команде появился еще один дворянин! Именно это было главной причиной ненависти матроса к новому шипбою.

Наваха – раскладной испанский нож – сама прыгнула к нему в руки. Это было весьма действенное оружие для нанесения смертельного удара. Остроту его лезвия можно было сравнить с бритвой. Оно выдерживало любые нагрузки и благодаря специальному механизму не закрывалось в самый ответственный момент, за что очень почиталось в матросской среде. Ведь на земле, чаще всего в тавернах, по пьяной лавочке, драки случались довольно часто, так как там не действовало «Морское право», и наваха в такие моменты была просто незаменима.

Навахи изготавливались для простолюдинов в связи с тем, что низшему сословию (и матросам в том числе кроме военных) запрещалось носить в городе холодное оружие. Но без ножа было никак; он был обязательным в любом застолье. С помощью навахи резали хлеб, мясо, рыбу, разделявали крупную дичь. Но это не мешало в случае необходимости пустить наваху в ход в целях самообороны. И Берар Шартье владел раскладным испанским ножом в совершенстве.

Конечно, наваха необязательно становилась орудием убийства. Для испанца позор хуже смерти. Поэтому нанесение позорного клейма в виде двух перекрестных порезов на лице противника было более убедительной победой, нежели его бездыханное тело. Однако то для испанца, но только не для Гасконца. Берар горел желанием расправиться с наглым шипбоем, который осмелился поднять руку на просоленного всеми ветрами морского волка.

Матросы оцепенели. Вмешаться в драку они не могли – слишком далеко все зашло. И отобрать наваху у Шартье не было никакой возможности без ущерба для себя – может отмахнуться и нанести нечаянный удар, от которого нельзя защититься.

Практически перед командой стояли два покойника. Никто не сомневался, что бешеный Гасконец зарежет мальчишку, как каплуна, а затем его привяжут к телу Эсташа и бросят обоих в морскую пучину согласно «Олеронским свиткам». Ярость затмила разум Берара; до его смущенного сознания просто не доходили предостерегающие возгласы товарищей.

– Капитана! – кто-то крикнул. – Позовите капитана! Скорее!!!

– Мастер, где мастер! – закричали другие.

Пьер Фарино почивал в своей капитанской каюте (его сон всегда был крепок), положившись на мастера – корабельного штурмана, который нес вахту и которого звали Роже Блондель. Но мастер в этот момент был в трюме, занят выяснением отношений с провиантмейстером, у которого обнаружилась недостача солонины. Он поэтому ничего не мог ни видеть, ни слышать.

Берар ударил навахой, как змея, – молниеносно. Но еще быстрее действовал Эсташ. Он опередил его на какой-то миг. Эсташ швырнул в перекошенную от ненависти физиономию Берара свою шляпу, от чего тот несколько опешил и потерял темп, а затем нанес резкий удар канатом по его руке с ножом.

Наваха отлетела в сторону, но это не остановило Шартье. Все же он был мужчиной в расцвете сил, гораздо крупнее подростка и выше ростом.

Берар подскочил к Эсташу, намереваясь задушить его, но не тут-то было. Ловко пропустив своего обезумевшего противника мимо, подросток сноровисто набросил ему петлю на шею, которую соорудил мгновенно, не глядя на веревку, – некогда было; он наблюдал за действиями Шартье – и когда тот дернулся, чтобы освободиться, Эсташ великолепным броском через спину уложил Берара на палубу.

Грохот от падения Гасконца на гулкие сухие доски палубы – погода стояла солнечная, теплая, почти неделю, – получился такой, что даже капитан проснулся. Когда он выскочил из своей каюты, Эсташ уже «дожимал» Шартье, который начал задыхаться и сучить ногами. Мальчик рассвирепел не менее своего противника и был безжалостен. Правда, намерения прикончить Берара у него не было. Он лишь хотел его хорошо проучить.

Обращаться с куском веревки обучил его все тот же Большой Готье. «Когда дерешься, забудь про рыцарские замашки, – поучал он Эсташа. – В бою выигрывает тот, кто хитрей и подлей. Да-да, именно так! На тебя замахнулись мечом, а ты в рожу своему противнику сыпани

мелкого песочку. И все, он твой. А ежели хорошо подготовиться да запастись острым молотым перцем, то с ним можно положить добрый десяток вражин. Только делать все нужно очень осторожно, чтобы ветер дул от тебя».

Готье преподавал ему уроки боевой борьбы, в том числе с помощью веревки, которая оказалась превосходным оружием в умелых руках. Он показал различные удары ногами и руками во время фехтования, которые сбивают с толку противника и лишают его инициативы. Наконец, научил использовать любые подручные предметы, вплоть до камня, чтобы «погасить», как он выражался, самого искусного солдата.

– Прекрати! – рявкнул капитан над ухом Эташа.

А голос у него был, что иерихонская труба.

Эташ невольно вздрогнул и ослабил натиск. Пьер Фарино поднял его за шиворот своей крепкой рукой и поставил на ноги; до этого подросток почти лежал на Бераре, все ту же и ту же закручивая узел на шее Гасконца.

– Воды! – приказал капитан, глядя в посиневшее лицо матроса.

Шартье пришел в себя только после третьего ведра забортной воды. Тряхнув своей черной гривой, как пес после купания, он с трудом встал и мрачно уставился на капитана. Удávка на шее вернула ему способность здраво мыслить, и теперь он соображал, какую кару придумает для него арматор. А в том, что она обязательно последует, он совершенно не сомневался.

– Ты, ты и ты! – Капитан ткнул пальцем в сторону троих матросов. – Доложите, что здесь произошло!

Расспрашивать драчунов не имело смысла. У каждого из них была своя правда.

Внимательно выслушав обстоятельный рассказ матросов о том, кто был зачинщиком инцидента и как все происходило, он повертел в руках наваху, которую услужливо подал капитану второй шипбой (он тоже прибежал на шум), и угрюмо сказал, глядя на гасконца сузившимися глазами, не предвещающими ничего хорошего:

– Ты нарушил морской закон! И кому, как не тебе, его знать! Драться с мальчишкой! Позор!

– Прошу прощения, хозяин... – с трудом прохрипел Берар.

– Прощения?! А о чем ты думал раньше? Когда доставал нож и хотел убить шипбоя? Ты заслуживаешь килевания!

Гасконец вздрогнул и в его глазах появился собачий блеск; протаскивание под килем судна часто приводило к смерти. Оно считалось равноценным смертной казни. Осужденного поднимали на рей, опускали вниз головой в воду и протягивали при помощи веревки под килем на другую сторону корабля.

Килевание проводилось один, два или три раза, в зависимости от тяжести вины. Если преступивший морской закон не захлебывался, то существовала большая опасность, что он будет сильно изрезан раковинами, выросшими на днище корабля, и умрет от кровотечения.

– Но учитывая твои прежние заслуги, – продолжал капитан, – ты отделаешься наказанием более легким. Привязать его к мачте! И прибить левую руку к дереву его же навахой! Все, исполняйте! А ты, – он обернулся к Эташу, который отрешенно стоял в сторонке, – следуй за мной! Твое наказание будет иным.

И он направился в свою каюту.

Глава 3. Матросский быт

С наказанием обошлось. Пьер Фарино в глубине души был поражен; как мог такой малец выстоять в схватке с Гасконцем, которого боялись почти все забияки в портовых тавернах Булонь-сюр-Мер?! Да и в других портах, где швартовался когг, о нем были наслышаны и не хотели с ним связываться даже по пьяной лавочке. Шартье сразу хватался за свою наваху и редко кому удавалось не получить ранение острым, как бритва, испанским клинком.

Правда, до смертоубийства никогда не доходило; все же Гасконец, даже изрядно захмелев, сохранял остатки благоразумия, и дело заканчивалось лишь порезами. Но поговаривали, что у него были схватки, которые заканчивались гибелью его противника. Но только не на людях. Темных углов в портах хватало. При всем том гасконская горячность Берара в нужный момент уступала пикардийской хитрости.

– В наказание за твой проступок десять дней будешь таскать камень! – решил капитан. – И чтобы палуба блестела, как свежее куриное яйцо! Ты теперь будешь эти дни за нее в ответе.

Конечно, тащить тяжеленную пемзовую терку по доскам палубы было не мед, это делали только самые сильные матросы, но Эташ облегченно вздохнул – как-нибудь справится. Главное, что капитан не оставил его за бортом – не прогнал с корабля. За время, что он провел на когге, Эташ стал чувствовать себя настоящим моряком. Он многое узнал, многое понял. Ему даже начал нравиться тяжелый морской труд.

Вот только с бытом у него существовали проблемы. Он никак не мог привыкнуть к отвратительным запахам, которыми когг был пропитан, начиная с трюма и до каюты капитана. Не помогало даже сильное ароматическое средство, которое подарил Большой Готье, которому довелось побывать в составе военной морской экспедиции.

Естественно, Эташ никому не показывал флакон с приятно пахнущей жидкостью, еще чего – матросы засмеют, но толку от его усилий хоть немного избавиться от дурных запахов было мало.

Корпус «Трумеля», несмотря на то что когг совсем недавно покинул верфь, все равно пропускал воду, которая скапливалась в трюме. И хоть ее откачивали, остатки протухшей трюмной воды испускали отвратительный, пронизывающий весь корабль смрад. Кроме того, подводная часть корпуса для защиты от гниения и морских червей была пропитана вонючей смесью из дегтя и серы. Еще более отвратительный запах имела краска для наружной обшивки из растертого в порошок древесного угля, сажи, сала, серы и смолы. А поверх этой краски было нанесено покрытие из древесного дегтя, смешанного с шерстью животных.

Все это вместе с чадом кухни, вонью галльона и запахом невымытых тел создавало одурманивающий букет. Но самым скверным было то, что утомленные моряки не всегда чувствовали себя в помещении для отдыха главными «квартиросъемщиками». Трюм и кубрик кишели клопами, черными и рыжими тараканами, блохами и крысами.

Крысы были настолько дерзки, что забирались даже в самые недоступные уголки, где моряки хранили свои ценные припасы «на черный день». Конечно, экипаж вел решительную войну против докучливых приживальщиков, но одержать победу было невозможно. Не помогали никакие меры. Казалось, что вместо каждой убитой крысы появлялись две новые. Кроме того, длиннохвостые грызуны были постоянно настороже и обманывали охотников столь ловко, что те в конечном итоге прекращали безрезультатные боевые действия.

Было только два радикальных средства против этих паразитов: кораблекрушение или жажда. Но какой матрос мог желать этого? Ведь в таком случае вопрос шел и о его собственной жизни. Если с водой становилось туго, крысы от жажды делались бешеными. Они устремлялись на штурм охраняемых бочек с водой и истреблялись целыми стаями.

Но монета оборачивалась другой стороной, если на корабле начинался голод. Происходила переоценка ценностей – крысы из ненавистной напасти превращались в вожаемую драгоценность. Они казались голодающим вкуснее, чем нежнейшее телячье жаркое. Об этом рассказали Эсташу бывалые моряки. Опытные члены экипажа когда, которым уже случалось побывать в таких переделках, буквально молились на своего капитана – Пьер Фарино редко возил свои товары далеко за горизонт...

Что касается помещения для жилья матросов (а Эсташу в этом вопросе не было сделано исключение; кают на корабле насчитывалось всего две и они предназначались для капитана и мастера), то оно своим видом напоминало темницу, и там всегда было исключительно грязно. Высота его была не более пяти футов¹⁵, но даже в это пространство вторгались две толстые поперечные балки, скреплявшие корпус судна, и матросские сундуки, через которые при необходимости приходилось переползать.

Посередине кубрика стояли две квадратные деревянные колонны, на расстоянии друг от друга примерно в фут, а между ними, подвешенный к ржавой цепи, покачивался фонарь, горевший день и ночь и постоянно отбрасывавший две длинные темные тени. Ниже между колоннами была устроена матросская кладовая, которая содержалась в чудовищном беспорядке и время от времени требовала основательной чистки и окуривания – чтобы убрать паразитов.

Важнейшими предметами обстановки этого нищенского жилья были морские сундуки, в которых хранились матросские пожитки. Чтобы сундуки, служившие одновременно для сидения, не ползали туда-сюда во время качки, в их днища были вделаны крючки. Для придания большей устойчивости и предотвращения опрокидывания нижняя их часть была более широкой, чем верхняя. Хорошие морские сундуки обычно изготавливались на шпунтах и были водонепроницаемы. Именно такой был у Эсташа.

Пожалуй, не было сундука, в котором отсутствовала бы Библия или молитвенник, хотя хозяева зачастую ни разу их не раскрывали. Матросы просто верили, что само наличие Библии уже гарантирует счастливое плавание. Матери и жены моряков почти всегда клали в их сундуки кусок хлеба своей выпечки или мешочек с горстью родной земли.

Эсташ очень страдал лишь от одного – что он не может помыться. Даже морской водой. Это занятие считалось предосудительным. На когге пресной воды было в обрез, и использовать ее для мытья расценивалось как преступление. Можно было только ежедневно слегка смачивать ею горло.

Кроме того, существовало мнение, что когге скоро морская вода не годится для питья, то она не подходит и для мытья тела. Ведь доказано, что солнце и ветер могут быть вредны огрубевшей коже лишь в том случае, если она обезжирена.

Во всяком случае, редко кто из матросов склонялся к идее помыться из ведра морской водой. А поскольку для бритья тоже нужна пресная вода, матросы отказались и от этой процедуры. Тем более что на нее часто не хватало времени.

Немытые и небритые моряки на когге ни днем, ни ночью не снимали своей одежды. Она отмывалась немного лишь под проливным дождем на палубе во время выполнения срочных работ, таких, как замена поломанного рангоута или починка разорванного на куски паруса. Хорошо, что в проливе дожди шли часто...

К радости моряков, Пьер Фарино, любитель горячей пищи, устроил на «Трумеле» небольшой камбуз. Он был редкостью на торговых кораблях. Матросы радовались, как дети, получая на обед жидкую похлебку. Конечно, когда погода была благоприятной.

¹⁵ Фут – единица измерения длины в английской системе мер. Здесь фут французский королевский равен 0,325 м, или 12 дюймов.

В штормовое ненастье они получали пищу в виде сухого пайка – вяленое мясо, сало, сухари, сыр, масло, вино, сушеный виноград и прочее. Выдачей продуктов занимались провиантмейстер (еще его называли засольщиком) и баталер, ведающий бочонками с водой и вином.

Основной пищей на когге считались сухари. Они были так тверды, что их едва удавалось разбить молотком.

Сухари различались по виду и по вкусу. Английские были светлыми, так как выпекались из пшеницы и кукурузы. Правда, моряки поговаривали, что в тесто для этих сухарей ушлые хлебопеки-бритты подмешивали муку из каштанов. Шведский сухарь за свою твердость и конфигурацию – круг с дыркой посередине – получил название «оселок». Немецкие «кналеры» («трескуны») выпекались из ржи, и были излюбленным сортом сухарей у моряков.

Кроме того, имелись особые, так называемые «корабельные», сухари. Их называли также бисквитами – «печенными дважды». Высушенные до предела, бисквиты могли храниться годами.

Чтобы внести некоторое разнообразие в приевшуюся пищу, матросы растирали сухари в крошки, смешивали их с салом и медом и разбавляли все это водой. Получалось сладкое кушанье, название которому дали довольно диковинное – «собачье пирожное».

Камбуз на «Трумеле» представлял собой кирпичную плиту, вокруг которой ходили по посыпанной песком дорожке. На остальной площади размещались грубо сколоченные кухонные столы, колоды для рубки дров и разделки мяса, бочки и баки, котлы, полки с горшками, поленницы дров, мешки и другие кухонные атрибуты. Все это настолько загромождало камбуз, что кок едва мог там повернуться.

Кока Матье, которого прозвали Обжорой, матросы недолюбливали. Он был толстый, как подсвинок, ходил в вечно засаленной одежде, считался капитанским осведомителем, постоянно сидел в тепле, утаивал для себя и своих любимчиков лакомые кусочки, а пищу для экипажа готовил кое-как.

К его малопочтенным открытиям на ниве кулинарии относился «потаж» – похлебка, которая варилась из объедков и кухонных отходов. В принципе, такое варево не было большим открытием Матье Обжоры; подобные похлебки варганили и другие корабельные повара. Но кок «Трумеля» перещеголял всех.

Он бросал в котел все подряд – от рыбьих хвостов до обглоданных костей, собираемых в течение нескольких дней. А чтобы похлебка получалась сытней и наваристей, он добавлял в нее кроме гороха еще и муки, от чего она выходила густой и смачной на вид.

Горячая пища доставлялась с камбуза в помещение команды в бачках, представлявших собой деревянные кадки, размером с половину винного бочонка, и с «ушами» – чтобы было за что их ухватить. Мисок на кораблях было мало, поэтому во время еды каждый поочередно запускал ложку прямо в общий бачок. Из-за этого иногда возникали небольшие ссоры. Главным образом из-за того, что кто-то вылавливал кусок мяса побольше. А тот, кто не выдерживал ритма и черпал из бачка слишком быстро, получал ложкой по пальцам. Эсташу эта картина напоминала свиней, сгрудившихся у корыта.

Деньги у него были, отец не забывал подбрасывать сыну несколько монет на непредвиденные расходы, и Эсташ старался покупать нормальную еду с длительным сроком хранения в портах. Он держал ее в своем сундучке, и постоянно отбивался от крыс, которые чуяли запас вяленых колбасок и хорошего выдержанного сыра. Иначе в сундучке они могли бы прогрызть дыру.

Единственным облегчением для него было время, когда корабль на ночной отдых приставал к берегу. Там иногда можно было искупаться в ручье или озерке, и откусать наконец вполне приличную похлебку из свежих продуктов, которые закупались в близлежащей деревеньке.

Правда, на корабле во время стоянки приходилось держать ухо востро, потому как находились любители обогатиться за счет арматора. Поэтому все матросы были вооружены, а Пьер Фарино, которому пришлось и повоевать, выставлял дозорных. Так что подобраться незаметно к кораблю не было никакой возможности.

К тому же на берег сходила лишь небольшая группа матросов во главе с Матье Обжорой – только чтобы закупить провиант и приготовить горячую еду. А затем котел поднимали на борт.

Скверное качество еды иногда превращало плавание в ад. Продукты были дешевыми и часто не совсем доброкачественными. Пьер Фарино экономил как мог. Питьевую воду набирали прямо из речек или доставали из колодцев, и нередко она была сомнительного качества. Уже через несколько недель после выхода в море вода начинала протухать и становилась все более густой и вонючей. А пересоленное мясо было почти несъедобным, тем более что из-за ограниченного количества воды на корабле его не удавалось вымочить в достаточной степени.

Солонина в бочках приобретала своеобразный цвет красного дерева с прожелтью, а при дальнейшем хранении – коричневато-зеленоватый; от нее шел натуральный трупный дух.

Мясо или было с червями, или жилистое, темное, засохшее и пересоленное сверх всякой меры. По внешнему виду и твердости такая солонина напоминала дерево. Твердокаменные куски бросали в чан с водой (тут уж было не до экономии), затем туда же залезал матрос, который ногами мял солонину, стремясь размягчить ее, чтобы сделать пригодной к употреблению.

Отвратительный вкус, однообразие и низкое качество еды лишали аппетита даже самых невзыскательных и голодных едоков. Еще хуже были муки жажды, вызываемой ежедневным употреблением в пищу солонины и твердокаменных сухарей и делающейся все нестерпимее из-за строгого соблюдения водного рациона. От этого Эташ страдал, как никто другой. Дома он очень мало ел соленого; так было заведено в их семье.

И естественно, у моряков «Трумеля» не было форменной одежды. Все они носили светлую полотняную робу, нередко выкроенную из остатков парусины. В свободное от работы время парусный мастер становился корабельным портным. Кто в водной пустыне станет обращать внимание на такие мелочи, как покрой одежды!

Но в своем грязном и рваном тряпье моряки выглядели даже живописно. Широко был распространен обычай укладываться спать, не снимая рабочей одежды и шапки, чтобы при подъеме на вахту не утруждать себя одеванием. Некоторые моряки не изменяли этому обычаю и на берегу.

Исключение составляли только несколько человек, в том числе Пьер Фарино и мастер. Арматор обязан вести переговоры с торговцами на берегу, поэтому его парадно-выходной костюм был безупречен – темно-зеленый бархатный кафтан с белым жабо, фиолетовые чулки и красный плащ. Но и остальное платье Пьера Фарино было не хуже. Среди морских торговцев он считался щеголем. Эташ дал себе зарок: если когда-нибудь станет капитаном корабля (а он мечтал об этом!), то будет одеваться как арматор.

Но была у матросов и выходная одежда. Конечно же, ее надевали перед тем, как сойти на берег. Ведь не покажешься какой-нибудь весьма доступной портовой красотке в рванье.

Обычно матросы носили очень короткие штаны, светлые чулки, красный жилет, а поверх него синюю куртку. Всегда была проблема с башмаками. За длительное морское путешествие они усыхали, становились меньше по размеру, и их разноска требовала немалой воли и выдержки. Наилучшей моряки считали одежду, вязанную из шерсти.

А еще матросы мучились с головными уборами. Они для них были вещь совершенно непрактичной, так как ветер и шквалы постоянно норовили сдуть головной убор за борт. Тем не менее среди моряков стойчески удерживался обычай носить шапку.

Особенно любили они шапки шерстяные, именуемые «Томми Шенди». Кроме того, существовали очень удобные одноцветные шерстяные колпаки грубой вязки, которые не слетали с головы даже в шторм.

Если они были связаны из перемежающейся полосами черной и белой шерсти, то их называли «Бонни». Шотландские черные меховые шапки назывались «пудель». Нередко матросские головные уборы были обязаны своим происхождением шапкам каторжников, ведь путь на палубу военного (да и торгового тоже) корабля часто вел прямо из тюрьмы.

Эташ, как всегда, проявил и в этом случае независимость. Он не стал носить матросскую шапку, а натянул на голову высокую фетровую шляпу с широкими полями. Чтобы она не слетала, когда штормило, Эташ приделал ей завязки. Шляпа у него была, как зонтик, – в ненастную погоду дождевые струи не лились за шиворот. Именно шляпа сохранила ему жизнь в схватке с Гасконцем, перекрыв Берару на мгновение обзор. После этого Эташ просто влюбился в свою «спасительницу» и едва на нее не молился...

«Трумель» поднимал якорь. Матросы упирались изо всех сил, вращая шпиль, и пели залихватскую морскую песенку:

– Тянем снасть! Эка страсть!
Длинный трос! Хоть ты брось!
Молодцы! За концы!
В рубцах спина! Вот те на!
Патлы рыжи! Спины ниже!
Налетай, народ! Перекладина ждет!
И стар, и млад! И все подряд!
Тяни-и!.. Крепи! На весь свет вопи-и!

Вращать шпиль было делом очень нелегким. Он вращался не плавно, как карусель, а рывками. Если звучали высокие, ударные такты мелодии песни – люди дружно наваливались на вымбовки, если она лилась плавно – они могли чуточку передохнуть, набирая разгон для следующего рывка.

Эташ, утомленный прогулкой, с удовольствием смотрел на расплывающиеся в предвечерней дымке две массивные башни Ла-Рошели, защищающие вход в порт, где он провел почти целый день. Капитан смилостивился над сыном пэра Булони, который оказался превосходным учеником и на удивление покладистым малым, отпустив его размяться и отдохнуть в какой-нибудь портовой таверне.

Подросток провел на корабле больше месяца, не сходя на сушу, – «Трумель» сделал рейс в Италию – поэтому поначалу ему казалось, что под ним качается земля. Это было странное чувство, и чтобы не свалиться, как пьяный, он пошел вразвалку – словно настоящий морской волк.

Прежде на месте Ла-Рошели была небольшая деревенька, потом вырос крохотный городишко, пока туда не пришел орден тамплиеров¹⁶. В течение всего времени, когда орден бедных рыцарей Христа находился в Святой земле, основной его заботой в Европе было обеспечение всем необходимым братьев, с оружием в руках защищавших паломников и христианские государства. Храмовникам нужен был удобный порт под их полным контролем.

Стремительное развитие атлантического порта Ла-Рошель в Бискайском заливе произошло после того, как орден Храма создал там Провинциальный дом. Вокруг города были построены мощные стены, превратившие его в настоящую крепость. Кроме того, тамплиеры создали

¹⁶ Тамплиеры, храмовники – также известны под официальными названиями орден бедных рыцарей Христа, орден бедных рыцарей Иерусалимского храма, бедные воины Христа и Храма Соломона. Духовно-рыцарский орден, основанный на Святой земле в 1119 г. небольшой группой рыцарей во главе с Гуго де Пейном после Первого крестового похода. Второй по времени основания (после ордена госпитальеров) из религиозных военных орденов.

плотный пояс командорств¹⁷, что позволяло им полностью контролировать дороги, ведущие к порту. Десять из самых важных дорог тамплиеров заканчивались в Ла-Рошели.

Пока Эташ развлекался, Пьер Фарино продал свой венецианский товар тамплиерам, большей частью ткани и продукты (солонину, сыр, вяленое мясо и рыбу; они платили, не скупясь) и загрузился главным достоянием Ла-Рошели – добрым вином и солью. А затем, вполне довольный собой, капитан приказал шипбою-ученику:

– Сегодня будешь стоять вахту со вторым мастером у руля. Отдохнул ты отменно, как я заметил... – Эташ был немного навеселе; уж больно хорошим оказалось вино в таверне, ароматным и крепким, – поэтому силенок у тебя много накопилось. А мастер наш хоть и могуч, но одному ему с рулем не справиться, тем более что приближается греаль – сильный северо-восточный ветер. Так что скидывай свои обновки, переодевайся – и к рулю.

– Слушаюсь, капитан! – браво ответил Эташ, хотя у самого невольно подтянулся живот – вахта была не из простых; требовалась немалая физическая сила.

Обслуживание руля на когге было делом нелегким. Румпель имел длину около двадцати одного фута и катался на специальной тележке по твиндеку¹⁸. Поворачивали его с помощью кольдерштока – вертикальной штанги, доходящей до верхней палубы. Управление рулем вручную было под силу одному человеку (притом силачу) разве что в открытом море и при попутном ветре, поскольку румпель ворочал тяжелое перо руля, прилаженное к баллеру – оси длиной в три фута.

Второй мастер, с которым Эташу предстояло нести вахту у руля и которого звали Жан Бога, был на корабле личностью не менее могущественной, чем капитан Пьер Фарино. Касаемо мужества, моряцкой опытности и природных способностей, – он был просто Геракл! – никто так не держал в узде свой нрав и не соответствовал своей профессии лучше, чем второй мастер. Тем не менее сердце у него было доброе, а нрав отходчивый.

Но иной раз, не выдержав жажды, он напивался вдрызг и превращался в забияку, разящего своими кулачищами всякого, кто его не слушался. Завидев неистового Жана в таком состоянии, самые большие бунтари немедленно принимались за работу, притом исполняли ее на совесть. Первый мастер, несмотря на весь свой авторитет, такого послушания добиться никак не мог.

Эташ уже вполне сносно мог определять скорость корабля. Это измерение проводилось в основном под руководством второго мастера. Результаты ежечасных измерений скорости «Трумеля» с помощью лага заносились в вахтенный журнал, имеющий графы и для учета других данных.

Эти записи служили для определения среднесуточной или недельной скоростей судна, а так как единицей измерения издавна служил узел, что соответствовало одной морской миле¹⁹ в час, то заметки в вахтенном журнале являлись одновременно основой для вычисления общего пути, который прошел когг к моменту данного отсчета.

Измеряли скорость лагом до тех пор, пока песок из верхней колбы специальных песочных часов не перетекал в нижнюю. За часами обычно следил судовой шипбой, то есть Эташ.

Жан Бога вытравливал рукой лаглинь с навязанными на нем узлами, к концу которого был привязан поплавок. Бросать лаг следовало слегка в сторону, чтобы поплавок не двигался

¹⁷ Командорство, комтурство – минимальная административная единица в составе рыцарского ордена. Как правило, командорство состояло из одного замка и непосредственно прилегающих к нему территорий. Во главе каждого командорства стоял комтур (командор). Самые маленькие и бедные командорства могли выставить лишь по десятку вооруженных воинов, наиболее крупные и влиятельные – свыше тысячи. Командорства объединялись в баллеи (провинции).

¹⁸ Твиндек – пространство внутри корпуса судна между палубой и платформой.

¹⁹ Морская миля – единица измерения расстояний на море. Определяется как длина одной минуты дуги окружности Земли. Международная морская миля равна 1852 м (6076,04 фута), в Великобритании морская миля равна 6080 футам (1853,18 м).

вперед вместе с судном. По сигналу «Стоп!», когда в нижнюю колбу пересыпался весь песок, мастер прекращал травить лить и отсчитывал число прошедших через руку узлов. Оно соответствовало числу морских миль, которое оставляло за кормой судно в течение часа.

Жан Бога был в хорошем настроении. Несмотря на предсказание капитана, что вот-вот подует противный ветер греаль, погода стояла отменная, и паруса напоминали полное вымя коровы – только без сосков. Коротая время, мастер болтал без умолку, поучая «зеленого» шип-боя и рассказывая разные матросские байки:

– ...Когда северные скитальцы морей поднимают парус, чтобы отправиться на тюлений промысел, то обычно хвост первого добытого зверя обмакивают в чашу с крепким вином и прибавляют его затем к столу. После этого чашу пускают по кругу. Охотники за тюленями верят, что этот обычай принесет им счастливый, добычливый промысел. Моряки народ небоязливый, – да ты и сам это уже знаешь – тем не менее у них в башке много разного мусора. Сплошные суеверия. Начинается все уже с постройки судна. Знаешь, как закладывался «Трумель»?

Вопрос был риторическим, но все равно ответить надо было – из уважения.

– Конечно нет, мастер.

– И почти никто не знает! Но поскольку ты, я так понимаю, в будущем метишь стать капитаном или мастером, то должен знать все эти заморочки. Чтобы наш новый когг обладал отменными мореходными качествами, для его постройки следовало употребить несколько краденых бревен. Это и было сделано. И что ты думаешь – сработало! Лучше торговой посуды, чем «Трумель», в Ла-Манше не найдешь.

– Согласен. Мы можем дать фору практически любому паруснику. Разве что военные...

– Ну, у них особая миссия. Скорость, мощь и натиск. Но нам нужно первое. Быстрее обернемся, больше денежек получим. Кроме того, под шпор мачты, перед тем как ее поставить, капитан положил золотой. На счастье. А при уходе когга в первое большое плавание все мы читали молитвы и пели псалмы. Один псалом мне врезался в голову навсегда: «Во имя Бога, поплыли мы, и милость его да пребудет с нами. С нами сила Господня и гроб святой, ибо сам Господь упокоен в нем». Голоса у матросов сам знаешь, какие – чай, не церковный хор. Но тогда пели так сильно, красиво и слаженно, что у меня, старого дурака, даже слезы на глаза навернулись.

Мастер немного помолчал – видимо, вспоминая тот знаменательный день, когда он встал у руля «Траумеля», а затем продолжил:

– Чтобы вымолить попутный ветер и моряцкое счастье, в новогоднюю ночь капитан всегда подвешивает за бортом метлу. Конечно, имеются средства для того, чтобы вызвать ветер. Как-нибудь запишешь слова призыва... Но только произносить их нужно так, словно обращаешься к любимой женщине – нежно и ласково. Если при этом не возникает ни малейшего дуновения, следует сказать: «Приди, бриз, с литаврами и трубами!» Существует при этом риск вызвать шторм, но главное, чтобы подул хоть какой-нибудь ветерок. Если же совсем лопнет терпение, то тогда ори: «Ветер, небесный пес! Навались же наконец, чтобы мачта задрожала и согнулись!» Опасно? Да. Но что делать, когда стоит полный штиль? А уж выйти в море в пятницу – упаси господь! Удачи точно не будет. Даже если вернешься из рейса благополучно. А то всякое случается...

Жан Бога покачал головой. А затем, хитровато улыбаясь, спросил:

– А ты знаешь, кто такой Клабаутерманн?

– Нет.

– Эх, пацан... Это добрый, хотя иной раз и несколько ехидный дух корабля! Его имя произошло от конопатчика. Затыкать щели в корпусе корабля – это первейшая обязанность этого доброго корабельного домового.

– И что, его кто-нибудь видел?

– А ты домового можешь узреть?

– Несколько раз пытался подстеречь, – признался Эташ. – Еду вкусную на ночь оставлял, делал вид, что сплю, и все никак. Хитрый очень...

– То-то же. Ни один матрос сроду не видел Клабаутерманна. Тем не менее все моряки откуда-то знают, как он выглядит: ростом с гнома, огненно-красный, лицо обрамлено седыми волосами и бородой, и в одежде простого матроса. Если ночью связки корабельного набора скрипят и стонут – это знак того, что Клабаутерманн работает, укрепляет недостаточно надежные места. Но иногда он лишь указывает своим деревянным молотком на повреждения. Его обычное местопребывание – под шпилем, а во время штормовой погоды он несет вахту на мачте. Если же Клабаутерманн сидит на рее – это плохой знак. В таком случае корабль ожидает гибель...

Когда мастер рассказывал, время бежало незаметно. Слушая Жана Бога, мальчик все больше и больше укреплялся в мысли: море – это его призвание!

Глава 4. Берберийские пираты

Полтора года пролетели как один миг. За это время Эташ сильно возмужал, вырос, подтянулся. От природы обладающий недюжинной силой, он еще больше закалился и теперь посматривал свысока даже на Гасконца. Но тот делал вид, что между ними ничего не случилось, при этом избегая оставаться с Эташем наедине.

«Ты не шибко доверяй этому хитрому псу, – советовал Жан Бога, который сильно сдружился с юношей. – Удар из-за угла навахой в спину – это его коронный прием. Держи ухо остро. Никогда ему не подставляйся. Он очень мстителен».

Эташ и так знал, что Берар когда-нибудь встанет на его пути. И был готов к этому. Однако бежали дни, недели, месяцы, а Гасконец по-прежнему был тише воды при полном штиле.

В конечном итоге Эташ плюнул на свои страхи. Однако в одном из рейсов в Андалусию он прикупил себе в Кадисе у торговца-мавра красиво отделанную чеканным серебром наваху. Она была очень удобна для скрытого ношения и не привлекала внимания.

Зимой, возвратившись на побывку в родные пенаты, Эташ взял у Большого Готье несколько уроков ножевого боя.

– ...Извините, мсье, но драка на навахих – это особое искусство, – с сокрушенным видом молвил Готье. – Здесь я мало чем могу помочь. Как говорится, не вышел рылом. Хорошо бы вам заполучить наставника-испанца, какого-нибудь опытного кабальерос²⁰. Вот среди них есть такие мастера – закачаешься. Дерутся, как дьяволы. Да-а... Однако где их найдешь в Булони?

«Попытаться найти можно. Гордых и заносчивых, но очень бедных кабальерос хватает. Можно нанять, если постараться. Но за какие шиши?» – думал Эташ.

Он с трудом сводил концы с концами, хотя капитан Фарино с некоторого времени начал платить ему как помощнику мастера, потому как юноша уже был хорошо подкован в морской науке. Арматор гордился его успехами, которые, конечно же, приписывал своему дару великого наставника, а не пытливому уму шипбоя.

– Как правило, испанцы ведут бой на ножах, обмотав свободную руку плащом либо прикрыв ее войлочной шляпой, концы которой зажимают в кулак, – продолжал Большой Готье. – Иногда плащ оставляют висеть на плече, слегка поддерживая его кистью. Тогда он предохраняет от ударов в бок, так как плащи испанцы часто делают из прочных шкур животных. Кожанный плащ служит прикрытием для оружия и может использоваться даже для нападения, если случается близко подобраться к противнику; его набрасывают на голову врага.

«Куплю такой плащ!» – загорелся идеей Эташ. На одежду у него денег хватало; он даже прослыл среди матросов щеголем.

– ...Бой чаще всего ведется по кругу, причем, если наваха имеет лезвие, заточенное с обеих сторон, за промахом тут же следует удар, наносимый возвратным движением руки, практически без изменения положения кисти, – показывал Большой Готье. – Для защиты выполняются отбивы и подставки обмотанной в плащ рукой, а иногда и оружием – примерно так, как это вы делаете вашим мечом. Часто используются уходы и прыжки в стороны и назад. Для этого нужна отменная реакция и крепкие ноги. Стойка левым плечом вперед считается основной, хотя это весьма условно – в бою приходится менять стойку неоднократно, в особенности для того, чтобы обмануть противника...

²⁰ Кабальерос – всадник, рыцарь (*исп.*); в Испании X–XVI вв. дворянин, богатый или родовитый человек, несший военную службу в кавалерии и обладавший рядом привилегий, свойственных дворянству. Позднее – вежливое обращение к мужчине в испаноязычных странах. Примерно то же, что «идальго».

Эташ слушал очень внимательно, мысленно воображая, как он дерется с Гасконцем на ножах. К сожалению, у Берара были слишком длинные руки, поэтому придется изобрести что-то новенькое.

– Передвижения вперед, назад, влево и вправо осуществляются как простым, так и двойным шагом... – Готье говорил и показывал. – Делая несколько двойных шагов подряд влево или вправо, начинают движение по кругу, в центре которого находится противник. Если он отвечает тем же, то происходит непрерывное кружение друг возле друга. Иногда в тот момент, когда это выгодно, скомканный плащ бросают в лицо противнику. – Тут Эташ вспомнил свою шляпу, которая помогла ему победить Гасконца; интуитивно он сделал то, что было необходимо. – Бросок этот выполняется в тот момент, когда противник делает выпад вперед, одновременно со своей защитой движением в сторону с линии атаки или парируя его нож своим ножом. Вслед за броском плаща, используя замешательство противника, нужно сократить дистанцию и нанести свой удар.

Эташ купил наваху именно с лезвием, заостренным с двух сторон. Это было и впрямь очень опасное оружие, куда как опасней простого раскладного ножа Гасконца. Большой Готье много чего показал ему интересного в плане ножевого боя, но, по его рассказам, испанцы не просто дерутся, а создается впечатление, что танцуют. А танцевальные па андалусийского фламенко, когда ритм отбивают каблуками, неуклюжий здоровяк Готье никак не мог изобразить...

По возвращению из плавания Эташ показал отцу грамоту, выданную ему капитаном Пьером Фарино и подтвержденную его личной печатью, что имярек такой-то прошел курс обучения на вождение грузового корабля и может служить в торговом или военном флоте в качестве первого помощника мастера. Сеньор Бодуэн Баскет обрадовался безмерно. Он и не чаял узреть нечто подобное; пэр Болони каждый день ждал, что его отпрыск возвратится домой с позором.

– Я хочу вернуться на «Трумель», – заявил Эташ, когда после пира разошлись родственники, собравшиеся поприветствовать новоиспеченного мастера. – Теперь вам, отец, не нужно за меня платить ни единого денье. Я буду получать достойное вознаграждение за свои труды.

– Нет, мой мальчик, – ответил сеньор Бодуэн Баскет. – Я доволен твоим прилежанием и вижу, что ты достоин большего. Ты славно потрудился, но я как отец должен думать о твоём будущем. Оно должно быть славным! Чтобы не уронить честь нашей семьи. Поэтому – не спорь! – ты поедешь в славный город Толедо. Я мыслю, что для тебя вполне подойдет какая-нибудь дипломатическая должность при дворе – денежная и почетная. В нашей провинции тебе точно делать нечего, мир ты уже успел повидать, при случае сможешь себя защитить и найти в море путь домой, а это значит, что мой сын Эташ Баскет вполне состоявшийся мужчина. Но чтобы стать искусным дипломатом, нужно знать иноземные языки. Да, ты разговариваешь на французском и английском, понимаешь норманнов и басков, кое-что смыслишь в латыни, но этого мало. Недавно архиепископ Толедо преподобный Раймунд основал школу переводчиков. В школе переводят с арабского языка произведения греческих и римских авторов – Аристотеля, Платона и других. Чтобы познакомиться с этими переводами, в Толедо приезжают даже светила науки! Школа пользуется большим авторитетом, и тебе там самое место. О деньгах не беспокойся. Для твоего обучения в Толедо я накопил достаточную сумму...

Так Эташ оказался на борту двухмачтового нефа²¹ «Кристофер», который направлялся в Испанию. То, что его лишили возможности ходить по морям-океанам, он воспринял как лич-

²¹ Неф – южноевропейское торговое и военно-транспортное судно X–XVI веков. Изначально имел одну мачту и латинское парусное вооружение. Позднее парусное вооружение стало смешанным, состоящим из обеспечивающих хороший ход при попутном ветре прямых и косых парусов, которые позволяли ходить круто к ветру. Неф имел округлую форму корпуса и высокие борта с обивкой вгладь. На сильно приподнятых носу и корме были расположены надстройки, имевшие несколько ярусов. Водоизмещение нефа составляло 200–600 т, длина 20–32 м, ширина 6–12 м, осадка 2–3,7 м, вмещал он до 800–1000 человек. Крестовые походы и оживление торговых отношений Европы с Ближним Востоком привели к постройке нефов

ную трагедию. Но с отцом не поспоришь. Временами Бодуэн Баскет был невыносим и становился упрямее осла.

Эташ подвизался на борту «Кристофера» в качестве пассажира, поэтому от безделья старался залезть во все закоулки нефа. Эта любознательность была у него уже профессиональной. Он наблюдал за действиями команды и учился. Ведь неф был гораздо больше и солидней когга. И неплохо бы знать все тонкости судовождения такой громадины.

Корпус нефа покрыли темно-коричневый краской, палуба имела естественный цвет древесины, надстройки с зубчатыми фортами (площадками) для стрелков на обеих оконечностях судна, руль и «воронье гнездо» (марс) были красными, рисованные украшения на фортах – голубые, а парус был расцвечен красными и желтыми полосами. Раздвоенный на конце красный вымпел нес герб Булонского графства – три красных круга на желтом щите. Одну из мачт венчал крест, на второй в «вороньем гнезде» денно и ночью торчал впередсмотрящий.

Неф изрядно отличался от галеры, галеаса²² и когга своими формами. Его борта были высокими, широкими и короткими. К тому же неф оказался намного быстрее когга – все-таки две мачты с большими парусами. Корабль имел достаточно сильное вооружение и наемных солдат охраны, чтобы дать отпор пиратам. Форты на носу и на корме были устроены так, чтобы стрелкам удобно было целиться в случае нападения на корабль.

Корабль был построен в Венеции несколько лет назад и стоил очень дорого. Но капитан, он же арматор, Робер де Брезе принадлежал к славной нормандской фамилии, которая славилась своим богатством. Поэтому неф был так хорошо оснащен и команду Брезе подобрал отменную.

На корабле стараниями капитана, который, как и Пьер Фарино, старался не отставать от передовых вейний в морском деле, был обустроен превосходный камбуз, правда, для командного состава. Матросам, как обычно, доставались если и не какие-нибудь отходы, то часто не совсем съедобное варево. К счастью, Эташ был лишен надобности трапезничать вместе с командой. Сын пэра Булони пользовался привилегией обедать в кают-компании вместе с капитаном и другими уважаемыми персонами.

А когда де Брезе узнал, что Эташ получил грамоту мастера, притом из рук самого Пьера Фарино, и немало походил с ним по морям и Ла-Маншу, то и вовсе проникся к нему большим расположением. Ведь капитаны были друзьями, и Робер де Брезе знал, чего стоит опыт владельца когга «Трумель».

В гигантском котле на камбузе обычно варилось одно блюдо из гороха, чечевицы, бобов, проса и солонины. Провариться как следует эта жидкая болтушка обычно не успевала. Большая команда нефа была разделена по группам или бачкам. Во главе каждой такой группы стоял бачковой. Он получал для всех недельный рацион продуктов и ежедневно к обеду выделял каждому матросу соответствующую долю. Он же отвечал и за варку обеда для своих.

На «Кристофере» кока точно так же не любили, как и его собрата на «Трумеле», и награждали разными обидными прозвищами: «кухонный жеребец», «ветчинный принц», «сальная тряпка», «горшечный комендант» и тому подобное, нередко добавляя еще и несколько соленых словечек. Про него матросы даже песенку сочинили:

– Я полощу горшки водичкой,
Как нам велит морской обычай.
Но чтоб барыш себе добыть,

большой величины, вмещавших до 1500 человек и 1200 т груза, а общая площадь парусов составляла более 770 м². Большие нефы, в отличие от других судов, имели несколько якорей (до 7) для предотвращения сноса во время стоянок.

²² Галеас – большая галера; тип парусно-гребных военных кораблей. Первые упоминания термина относятся к XII веку. Галеас – нечто среднее между галерой и парусным кораблем. От галеры галеас отличался большим размером и улучшенной мореходностью, в частности – возможностью плавать в зимнее время года.

Стремлюсь я жир с краев не смыть.

Но еще больше, чем кока, команда ненавидела своих бачковых. Всю недельную долю удовольствия, полагающегося на бачок, они хранили в запертых шкафах. Ежедневная доля мяса с привязанной на шнурке биркой, свидетельствующей о принадлежности к данному бачку, опускалась на камбузе в большой медный котел с кипящей водой. Сюда же закладывались мясные доли всех других бачков. Через определенное время кок доставал их из бульона вилами.

Перед обедом бачковой получал мясо и на куске парусины, расстеленном на палубе, делил его на порции. Матросы всегда были недовольны, считая, что кому-то достался кусок побольше, хотя разрезать мясо на совершенно одинаковые порции было, конечно же, при всем желании невозможно.

Но самые большие неприятности возникали из-за пудинга – излюбленной пищи на нефе. Бачковой приготавливал тесто из выданной коком муки, меда, изюма и топленого сала, замешанное на воде. Затем тесто закладывалось в парусиновую сумку. Сумку завязывали, прикрепляли к ней опознавательную бирку и вместе с пудинговыми сумками других бачков опускали в большой камбузный котел.

Должность бачкового была сменной – с таким расчетом, чтобы каждый матрос некоторое время мог исполнять эти обязанности. Случалось, что иной раз пудинг не удавался. И тогда начиналась заваруха! Чтобы уберечься от колкостей, а то и от мордобития сотоварищей по бачку, виновник несчастья считал в этом случае наиболее уместным для себя «подать в отставку».

Эсташ смотрел на все это непотребство широко открытыми от изумления глазами, хотя и старался не выдать своей заинтересованности, изображая постороннего скучающего наблюдателя. Смотрел и констатировал, что Пьер Фарино – великий капитан. На «Трумеле» дело до драк во время обеда и при дележке продуктов все же не доходило, хотя их качество и готовка тоже оставляли желать лучшего.

Команда на «Кристофере» была многочисленной. Здесь собрали представителей почти всех морских профессий. И едва не главным считалось ремесло плотника.

Когда в минуту гнева вместо пожелания сломать шею или ногу моряк в сердцах бросал: «Чтоб у тебя мачты поломались!», корабельного плотника, как ни крути, приходилось причислять к важнейшим людям на борту. Ведь всего каких-то полфута трухлявых досок отделяли экипаж судна от гибели. А с хорошим тиммерманом – плотником, имеющим к тому же доброго помощника, они могли спать спокойно.

Путь в судовые плотники нелегок. Прежде чем попасть в ученики к плотнику, желающий приобрести эту профессию был обязан не менее четырех лет проплавать матросом, затем еще три года длилось само ученичество. Как правило, плотник пользовался доверием и благосклонностью капитана. На нефе тиммерман был освобожден от несения вахты. Он принадлежал к тем немногим счастливицам, кто имел право спать всю ночь напролет. Правда, иной раз ему все же приходилось постоять у руля.

Незаменимыми судовыми мастерами были такелажники и парусники, именуемые в команде «зашивателями мешков». Такое прозвище они получили, поскольку парусные мастера зашивали в парусину умерших во время плавания.

Их старались избегать и по другой причине: постоянное общение с иглой, шилом и нитками накладывало свой отпечаток на склад характера парусного мастера, так же, как на кока вечная возня с горшками и мисками. Кроме того, парусник, как правило, почему-то считался среди матросов существом двуличным.

Работа парусного мастера ценилась на нефе столь высоко, что его, как и плотника, капитан Робер де Брезе освободил от несения вахты.

А самым бесполезным существом из тех, кто когда-либо ступал на палубу «Кристофера», по мнению матросов, был брадобрей. Ведь бритье испокон века считалось на торговых судах занятием предосудительным.

Окладистая борода была такой же непременной принадлежностью морских волков, как слово «аминь» в молитве. Обязательной стрижкой волос занимались только на посудинах военного флота, где всех матросов равняли под одну гребенку. Злые языки ехидничали, что дисциплина немедленно расплзется по всем швам, стоит лишь разрешить команде стричь волосы и бороды по индивидуальному фасону.

Брадобрей должен был нести вахту наравне с матросами. Однако орудовал он в основном бритвой и ножницами, потому что на таком большом и многолюдном корабле, как «Кристофер», он едва успевал обслуживать всех. А Робер де Брезе, дворянин и бывший морской офицер, терпеть не мог неряшливые бороды и сальные патлы.

Поэтому пришлось матросам нефа смирить свою гордыню, забыть про предрассудки и терпеливо сносить упражнения брадобрея, благо платил де Брезе щедро и наказывал редко – только за серьезные провинности. Бестолкового мордобоя, как на некоторых других судах, он не допускал.

В экипаже нефа за большие познания в морском деле вскоре стали считать Эташа своим, и юноша с моряками старался быть на равных. Оказывается, если не относиться к матросам как к глупым животным, можно заработать себе большой авторитет. За Робером де Брезе его команда готова была пойти в огонь и воду. Он был справедливым капитаном.

Но были на нефе и весьма странные личности. На «Трумеле» с ее небольшим по численности экипажем подбор матросов осуществлялся весьма тщательно, притом лично капитаном. А вот «Кристофер» явно испытывал нужду в профессиональных покорителях морей. Судя по разговорам среди матросов, Робер де Брезе создал специальную команду, которая прочесывала портовые закоулки в поисках людишек, более-менее пригодных для службы. Поэтому на нефе попадались матросы, абсолютно не приспособленные к морской жизни.

Неделями и месяцами капитан и мастера бились над ними, действуя то крестом, то пестом, пытаясь сделать из них моряков, но со временем убеждались в полной бессмысленности этой затеи. Просто взять и уволить их, как это сделали бы на берегу, было невозможно, поэтому волей-неволей приходилось подыскивать им какое-то место в экипаже.

Но поскольку сами они от исполнения каких бы то ни было обязанностей отказывались, то постепенно опускались до положения «прислуги за все». Матросы называли их неучтиво – «придурками», гоняли туда-сюда, и все это с руганью, тумаками и битьем линьками.

Из своего опыта Эташ знал, что не очень жаловали и матросов, которые не задерживались подолгу на одном судне и в ближайшем порту старались самовольно «списаться» – дезертировать. Таких называли «летучие рыбки», или «скакуны». Отвращение к любой работе, охота к перемене мест, любовь к приключениям – вот движущие силы их кочевой жизни. Многие из них, уйдя из дома судовыми юнгами, возвращались на родину уже старыми морскими волками, не подав о себе за все годы отсутствия ни единой весточки.

Полной противоположностью «скакунам» были так называемые «маяки», или «морские псы», которые никогда не расставались с судном, на которое однажды нанялись. Постепенно они становились доверенными лицами капитанов, что остальной командой воспринималось, мягко говоря, довольно прохладно. Недолюбливали также и тех, кому неоднократно уже случалось побывать в самых страшных штормовых уголках мирового океана; уж очень надменно они держались...

Этот день начался как обычно – с уборки палубы и подпалубных помещений, где всегда творился бедлам. Вся эта хорошо знакомая Эташу суэта его не касалась, поэтому он отправился в гости к тиммерману, изрядно повидававшему на своем веку матросу, которого звали Матье Бургундец. Он как раз и был «морским псом».

Беседовать с ним было приятно, Бургундец много знал, и Эташ с удовольствием выслушивал прописные истины из его уст, которые нередко звучали весьма значительно. «Известны три вида людей: живые, умершие и те, кто плавает по морям», – не раз повторял плотник. Этим он хотел сказать, что моряк всегда стоит одной ногой в могиле.

– А, мсье Эташ! Входите, милости прошу! – расплылся в улыбке плотник.

– Я не с пустыми руками, – сказал Эташ и достал из-под полы своего сюртука небольшой кувшинчик с добрым вином.

– Вы мой ангел-хранитель! – просиял Матье. – Я изнываю от жажды! Что может быть приятней для моряка, нежели возможность промочить сухую глотку? Сюда, мсье, сюда!

Он быстро очистил от стружки небольшой верстак, определил на освободившееся место кувшин, достал две деревянные чаши собственного изготовления с изумительно красивой резьбой и быстро наполнил их вином.

– Выпьем... эх, ладно – за удачное окончание плавания! – торжественно провозгласил плотник и одним махом вылил содержимое чаши в глотку. – Ах, какая прелесть! Я на седьмом небе! Вино из запасов провиантмейстера?

– Нет. Я прихватил с собой несколько кувшинчиков.

– Разумно, разумно... Сразу видно, что вы знаете нашу нелегкую жизнь.

Матье было известно, что Эташ прошел обучение морскому делу.

– А почему в вашем голосе, мсье Матье, я услышал сомнение по поводу удачного окончания плавания? Или мне показалось? – спросил Эташ, вдруг почувствовав какое-то беспокойство – словно перед штормом.

Но небо с утра было ясным, солнце светило вовсю, дул достаточно сильный попутный ветер, сдувая белую пену с гребней волн, идущих одна за другой бесконечным строем, и ничто не предвещало штормового ненастья.

– Неужто услышали? М-да... Что ж, придется рассказать. Мы сейчас идем в тех местах, где орудуют берберийские морские разбойники из Варварского берега²³. Они, как корабельные крысы, везде пролазят. Если наши пираты гонятся только за деньгами и товарами, то берберийцы частенько нападают даже на прибрежные города – чтобы захватить побольше рабов на продажу. Эти нападения называются у них «раззии». Это страшные люди. Их ничто не останавливает. Идут на самые безумные абордажи. А уж прибрежным деревенькам и вовсе беда. Люди бросают свои дома и уходят в леса и горы. Только так можно спастись от этих беспредельно жестоких извергов. Берберийские пираты редко кого отпускают даже за хороший выкуп. Вот так-то.

– Я слышал о берберийских пиратах... но краем уха, – признался Эташ. – В Ла-Манш они не заходят, в Па-де-Кале – тем более.

– Ну да, там для них мышеловка. Им нужен простор. Впрочем, их суда – они называются шебеками – очень быстроходны, и берберийцы так стремительно нападают, что от них просто не успевают отбиться. Так что можно ждать их и в Ла-Манше.

– Мне еще не приходилось встречать шебеку. Что она собой представляет?

– Лучше никогда ее не видеть, тем более – под пиратским вымпелом, – с чувством сказал тиммерман; но все же продолжил: – У двухмачтовой шебеки узкий длинный корпус, есть и весла. Оснастка состоит из одного треугольного паруса на каждой мачте. Такое оснащение дает возможность идти намного круче к ветру, чем с квадратными парусами. Идя в крутом бейдевинде, шебека догонит, кого хочешь. И так же быстро может смыться. Осадка у нее мелкая,

²³ Варварский берег – европейское название средиземноморского побережья Северной Африки. К Варварскому берегу относили побережье стран Магриба: Алжира, Туниса и Марокко, иногда также Ливии и Египта. Там располагалось множество портов, где размещались берберийские пираты, наводившие ужас на христианских жителей северного Средиземноморья.

скорость большая – самое то для пиратов. Догнать наш неф на шебеке – раз плюнуть, хотя мы идем по сравнению с другими грузовыми посудинами очень быстро.

– Это я уже заметил...

– Но у шебеки есть и серьезный недостаток. Под парусами она представляет собой, несомненно, красивое зрелище, ведь это один из самых быстрых и ловких кораблей на Средиземном море. Но в сильный шторм шебека никуда не годится. У нее низкий надводный борт и мелкая осадка. Во время бури ее заливают волнами, и она с трудом выдерживает сколько-нибудь серьезное волнение. Поэтому в открытый океан берберийские пираты носа не кажут. А они туда и не стремятся. Добычи им хватает и возле побережий.

Матье Бургундец вдруг рассмеялся, а затем, хитровато глянув на Эташа, молвил:

– Если надумаете, мсье, податься в контрабандисты, то для этого предприятия лучше судна, чем шебека, не сыскать...

Он хотел добавить еще что-то, но тут на палубе послышались крики, какие-то команды, а затем подал тревожный голос боцманский свисток. Эташ и Бургундец выскочили из крохотного помещения плотницкой мастерской и увидели капитана Робера де Брезе, который раздавал указания направо и налево. По его лицу было видно, что он сильно встревожен.

– Ах ты боже мой! – Плотник хлопнул себя ладонями по бедрам. – Накликал-таки беду! И все мой глупый язык! Не вспоминай дьявола всуе – и не будешь иметь с ним дело. А я тут раззвонился про берберийских пиратов, как базарная торговка. Вот они и появились. Смотри туда! – показал Бургундец.

Но Эташ уже и сам заметил, что со стороны берега, с левого борта, охватывая неф дугой, к нему стремительно приближаются небольшие юркие суденышки. Он насчитал больше десятка шебек, и все они были забиты под завязку полуголыми смуглыми пиратами в огромных белых чалмах.

Уже не обращая внимания на стенание плотника, ругавшего себя последними словами (будто что-то можно было изменить), Эташ бросился в свою крохотную каюту и начал облачаться для боя.

Он быстро надел гамбезон (так называемый «жак») – кожаную стеганую набивную куртку из нескольких слоев плотной ткани, затянул пояс и прицепил к нему свой меч-баселард. Конечно, гамбезон обычно использовали как поддевку под доспех, но на столь дорогое защитное снаряжение у Эташа не было денег, поэтому он довольствовался тем, что подешевле.

На первый взгляд казалось, что «жак» проигрывает даже однослойной кольчуге, ведь лен и хлопок легко режутся обычными ножницами. Но все было не так просто. Толстый, в пять слоев, гамбезон не только отлично сохранял тепло. Кожа верха и плотная ткань набивки превосходно гасили силу удара, поэтому проткнуть «жак» ножом или пикой было совсем непросто.

А еще гамбезон обладал одним замечательным свойством – мобильностью. Из-за того, что кожаная куртка почти не сковывала движений, боец получал огромное преимущество в скорости перед закованным в панцирь противником. Именно это и собирался проверить Эташ, которому еще не доводилось ни разу побывать в абордажном бою. А берберийские пираты уже были совсем близко и приготовились штурмовать неф.

Неизвестно, что их подвигло на такой безумный поступок. Ведь неф был многолюдным, имел отряд солдат для охраны, а также метательные машины. Они хорошо видели стрелков из лука, которые заняли свои позиции в фортах, что предполагало большие потери, но когда берберийцев это пугало? К жизни они относились безразлично, кладя ее на алтарь своему богу.

Скорее всего, берберийские пираты не удержались от искушения ограбить большой торговый корабль неверных, трюмы которого явно были набиты доверху дорогими товарами. Тем более, что неф шел в полном одиночестве, а впереди и позади не было видно ни единого судна (тем более – военного), которое могло прийти «Кристоферу» на помощь.

Пока шебеки приближались к «Кристоферу», успели поработать камнеметы, и два пиратских судна пошли ко дну. Еще у трех была нарушен такелаж. Неплохо поработали и стрелки: добрых два десятка берберийцев получили по заслугам. Их товарищи церемониться с ними не стали – просто выкинули тела мертвецов за борт, чтобы они не загромождали палубы.

Несмотря на отчаянное сопротивление лучников и матросов «Кристофера», несколько шебек все же прилипло к высокому борту нефа, и вверх полетели веревки с острыми абордажными крюками-«кошками». Пираты хлынули на палубу корабля, словно высокая волна прилива. Солдаты, оставив луки, приняли их на пики, а экипаж дрался скрамасаксами²⁴.

Эташ схватился с дюжим мавром²⁵, круглую башку которого венчала огромная чалма из белой парчи, вышитая золотом. Скаля от ярости крупные белые зубы, особенно отчетливо выделяющиеся на очень смуглом лице, пират обрушил на юношу мощные удары своего оружия с изогнутым клинком; такие странные мечи лишь недавно начали входить в моду у сарацин из-за меньшего веса по сравнению с другими видами холодного оружия. С ними удобней было обращаться, особенно во время скоротечных абордажных схваток.

Баселард был длиннее оружия мавра, но это преимущество свелось на нет свирепыми атаками пирата. Как-то так получилось, что их немного оттеснили в сторону от основной массы сражающихся, и теперь они рубились один на один, хотя перед этим Эташ успел мимоходом ранить нескладного долговязого бербера, с которым дрался сам капитан.

Отправив юноше быстрый благодарный взгляд, Робер де Брезе усилил натиск, который теряющий силы раненый пират не смог выдержать. Капитан срубил его, как головку репейника, и принялся за следующего в очереди страждущих победить самого нахуду²⁶ франков.

Поняв, что ему долго не продержаться против совсем озверевшего мавра, Эташ быстрым движением достал из-за пояса наваху и раскрыл ее. Ни у пирата, ни, тем более, у него не было щитов. Эташу в путешествии он был, в принципе, без надобности, а мавр не захотел себя отягощать. Да и не так просто забраться по веревке на корабль, когда руки заняты. Если меч еще можно держать в зубах, то со щитом всегда хватало проблем.

Наверное, пират не отдавал себе отчет в том, что юный франк, достав нож, стал вдвойне опасен. Пират по-прежнему надеялся на силу своих рубящих ударов, которые Эташ едва сдерживал. Ему казалось, что еще миг – и голова франка покатится по палубе.

Выпад навахой пират просто не увидел. Что-то сбоку сверкнуло, и неожиданно укол в печень заставил мавра застонать от резкой боли и согнуться. Он не выпустил из рук свое оружие, но и защищаться уже был не в состоянии.

Собрав все свои силы, Эташ вскричал от натуги, и в следующее мгновение его баселард опустился на ключицу пирата. Этот разящий удар был сродни молнии. Раздался хруст перерубленной кости, мавр отшатнулся, упал на колени, и следующим движением Эташ вогнал ему свой меч прямо в сердце.

– Bravo, сеньор! – вскричал капитан, который к тому времени уже успел прикончить третьего пирата и мельком глянул на Эташа. – Рыцарский удар! Держаться, держаться, всем держаться! К нам на помощь идет сам святой Николаус! Посмотрите на море!

Море вскипало. Казалось, что оно превратилось в огромный котел, который подогревает нечистая сила. Ясное небо закрыла черная туча, засвистел сильный ветер, захлопали паруса на шебеках, и раздался дружный вопль пиратов, которые посыпались вниз, на свои суденышка, как горох из сухих стручков. Прошло совсем немного времени, и шебеки отвалили от борта

²⁴ Скрамасакс – удлиненная версия ножа сакс. Длина около 55 см, ширина не более 3 см, обух толстый, примерно 1 см. Из-за веса скрамасакса его колющие удары были страшны по силе. Он протыкал и кольчугу, и кожаный доспех.

²⁵ Мавры – древнее название племен северо-западной Африки, а также средневековое название арабов и африканского племени берберов, завоевавших в VIII веке большую часть Пиренейского полуострова.

²⁶ Нахуда – капитан (*араб.*).

нефа, торопясь побыстрее добраться до спасительного берега, пока шторм не разыгрался по-настоящему.

– Спустить паруса! – скомандовал капитан, вытирая свой меч о чалму одного из поверженных пиратов. – Пошевеливайтесь, сучьи дети! Иначе пойдём на дно, в чертоги морского короля!

Матросы, ещё не остывшие от схватки, поторопились исполнить приказание капитана, переступая через тела берберийских пиратов и своих товарищей, как убитых, так и раненых. Возле них уже суетился судовой лекарь и несколько добровольных помощников, в том числе шипбой. Посмотрев на мальчика, Эташ с ностальгией вздохнул – совсем недавно и он был в таком же статусе...

Глянув на тело поверженного им мавра, Эташ нагнулся и снял с шеи пирата золотую цепь с подвеской – скорее всего, талисманом. Она представляла собой крупный адамас²⁷ в золотой оправе. Все ж память будет о первом настоящем бое. Да и вес цепи был немалый. Золото всегда пригодится, не говоря уже о драгоценном камне...

²⁷ Адамас – древнее название алмаза.

Глава 5. Махо

Эташ стоял на мосту Святого Мартина через реку Тахо и задумчиво смотрел на Толедо. Город раскинулся на высоком плато с крутыми обрывами по краям, был окружен стеной с башнями (некоторые укрепления были построены еще римлянами) и увенчан диадемой церковных колоколен, похожих на минареты мавров.

Благородный, четко обрисованный силуэт Толедо на фоне ярко-голубого неба, зеленоватых долин Веги и серо-фиолетовых гор на горизонте потрясал воображение юноши, который был равнодушен ко всему прекрасному. Пейзаж составлял гармоничное целое с золотисто-сероватыми тонами городских построек, на которых явственно проступал отпечаток мавританской архитектуры с ее любовью к богатству орнаментики. В Толедо на каждом шагу можно было встретить мечеть, перестроенную в христианский храм.

С трех сторон скалистого подножья плато, образуя естественный крепостной ров, по гранитному ложу струились желтовато-зеленые, быстро текущие воды реки Тахо, замедляющие бег лишь на равнинах Веги. Мост Святого Мартина вел к Пуэрте-дель-Камброн – Воротам боярышника, которые были построены несколько столетий назад, когда мавры владели Кастилией.

Неподалеку от ворот высился дворец Ла Кава. Сеньор Маурисио, хозяин дома, где Эташ снимал комнату, был знатоком истории. Его хлебом не корми, а дай поболтать о временах минувших. Иногда он был надоедлив до назойливости, но временами Эташ с удовольствием выслушивал его рассказы, часто похожие на досужие байки.

Дворец был назван в честь прекрасной принцессы-златовласки Кавы. Будто бы последний вестготский король, дон Родриго, увидев из окон башни обнаженную Флоринду Ла Кава, купающуюся в реке, силой овладел девушкой. Граф Юлиан, отец Флоринды и губернатор Сеуты, узнал о позоре дочери и решил отомстить.

Когда король потребовал у него прислать соколов для охоты, губернатор пообещал прислать ему таких злых и яростных птиц, которых в Толедо еще не видели. И призвал в Испанию мавров.

Это купание принцессы Кавы обошлось Толедо в четыре столетия мавританского владычества. Однако Маурисио все равно жалел дону Родриго. Король погиб после бегства с поля сражения при Херес де ла Фронтера, когда войско вестготов было наголову разбито полчищами мавров.

Впрочем, у Маурисио был припасен и другой конец этой истории. Будто бы дон Родриго ушел в горные пещеры, стал отшельником и тихо почил там, замаливая свои грехи.

С моста Эташу хорошо был виден толедский Алькасар²⁸ – замок и дворец правителя. Он был расположен на скале, возвышавшейся над центром городом на добрую сотню футов. Маурисио рассказал, что прежде крепость служила резиденцией римского проконсула, а позднее на ее месте находилась крепость мавров. Снаружи Алькасар представлял собой четырехугольник из толстых стен с приземистыми башнями по углам.

Напротив Алькасара, на восточном берегу Тахо, находился замок Сан-Сервандо, воздвигнутый завоевателем Толедо – королем Леона и Кастилии Альфонсо VI Храбрым для защиты от мавров. Он был сложен из серого камня, имел высокие стены и пять башен. Маури-

²⁸ Алькасар – название крепостей или дворцов в Испании и Португалии, построенных во время правления арабов. Во многих городах Испании есть алькасары. Дворцы, построенные в мавританском стиле после изгнания арабов, часто также называются алькасарами.

сво утверждал, что одно время комендантом замка был легендарный Эль Сид²⁹, а теперь там хозяйничали рыцари-тамплиеры.

Замок стоял на вершине холма, спускающегося к реке. Он контролировал подходы к мосту Алькантара, дорогу к реке и акведук.

Мост Алькантара был построен еще римлянами и долгое время являлся единственным, соединявшим город и соседние холмы. Много позже мавры, превратившие Толедо в один из своих самых хорошо укрепленных городов, построили второй мост – Сан Мартин, а с двух сторон Алькантара возвели башни-цитадели.

Ворота Алькантара назывались «вратами с двойным доступом». Врагу, пытавшемуся их протаранить, недостаточно было выбить первую массивную дверь; требовалось пересечь еще и небольшой внутренний дворик, чтобы выбить вторую. А дворик не давал возможности штурмующим развернуть таран...

Глубоко вздохнув и улыбнувшись своим неспешным мыслям, Эташ оторвался от перил и направился к центру города. Он прогуливался с раннего утра и почувствовал, что сильно проголодался. В Толедо кроме традиционных кастильских блюд и местных изысков вроде фаршированной гусиной ноги и чесночного мусса Эташу очень нравился толедский марципан – поистине богоугодная сладость.

Происхождение марципана было связано с монахинями монастыря Сан-Клементе. Когда мавры осадили город, начался голод, и монахини полезли в монастырские закрома в поисках съедобных запасов. Дело в том, что монастырь приторговывал миндалем и сахаром. Коричневые сахарные крупы, изготовленные из сока сахарного тростника, ввозили из Индии. И вот с этими продуктами монахини замесили тесто и получили марципан.

А еще Эташ полюбил сыр «манчего». Его делали в Ла-Манче еще с римских времен. Это был твердый сухой сыр, но при этом жирный и сливочный. Его делали из молока овец породы «манчего». Эти овцы паслись только на определенных пастбищах и проходили строжайший отбор.

Плотный сыр был цвета слоновой кости с неровными мелкими дырочками. Чем старше сыр, тем он был плотнее и вкуснее. Кроме того, Толедо славилось оливковым маслом с ароматом яблока и миндаля. Любое блюдо с этим маслом казалось восхитительным.

Многовековое владычество мавров сильно сказалось на всем облике Толедо. По узким улицам города громоздились, тесно прижимаясь друг к другу, двух- и трехэтажные дома. Снаружи они были по-мавритански строгими и молчаливыми, с редкими прорезями окон, затянутыми решетками, и массивными деревянными дверями с тяжелыми металлическими скрепами. В этот утренний час людей на улицах было много, не то что в полдень, когда наступали часы сиесты.

Излюбленная Эташем толедская харчевня-бodega, которая называлась «Фама Кастилия» – «Слава Кастилии», находилась на точно такой же узкой улочке, как и те, по которым он шел. Только перед харчевней она немного расширялась, превращаясь в небольшую полукруглую площадку, обрамленную цветочными горшками.

Там стояли несколько неказистых деревянных столиков, за которыми во время сиесты собирались неугомонные – те, кому не спалось. От солнца, стоявшего в зените, их защищал полосатый тент, мирно жужжали пчелы, которые покушались на заказанные клиентами харчевни марципаны и закуску, которая называлась «тапас».

Всезнайка Маурисио рассказал Эташу, что тапас появился во время правления какого-то странного короля, который сам почти не употреблял вино и терпеть не мог пьяниц. Он издал указ, чтобы в тавернах, где, как правило, все и напивались, кубок вина или кувшин с пивом

²⁹ Эль Сид Кампеадор (1041–1099) – кастильский дворянин, военный и политический деятель, национальный герой Испании, герой испанских народных преданий, поэм, романсов и драм, а также знаменитой трагедии Корнеля.

накрывался миской с закуской. Это мог быть хамон, сыр или что-то другое на усмотрение хозяина.

Клиент сначала должен был съесть закуску, а потом уже снять миску, закрывающую напиток, и выпить его. Так число пьяных заметно уменьшилось. Иногда в качестве миски фигурировал ломоть хлеба.

Но Эсташ считал, что тапас – это оптимальный вариант еды крестьянина во время трудового дня. Сочетание вина, сыра и хамона, с одной стороны, помогает немного расслабиться и отдохнуть, а с другой – хорошо насыщает и придает сил для работы. Тапас подавался холодным и подогретым. Иногда эта закуска была столь необычна, что Эсташ не мог сообразить, из чего она состоит. Тем не менее тапас всегда был очень вкусным, и юноша с удовольствием отдавал дань испанской традиции.

Хозяин бodega, сеньор Алонсо, уже знал Эсташа, поэтому достаточно бесцеремонно освободил ему один из крохотных столиков на улице. Там сидел монашек, который таскал на шее жестянку, в которую собирал подаяние на церковь. Алонсо уже покормил его, притом бесплатно, но монашек был таким худосочным и голодным, что мог съесть в пять раз больше. Он сидел и умильно глядел на Алонсо, а тот делал вид, что не замечает мольбы в его глазах.

– Интересно, чем их кормят в монастыре, что эти попрошайки всегда голодные? – спросил, наверное, сам себя хозяин таверны и сам же ответил: – Наверное, одним горохом.

– Почему вы так думаете, сеньор Алонсо? – полюбопытствовал Эсташ.

– А вы разве ничего не чувствуете? – И Алонсо зашмыгал своим выдающимся носом, похожим на клюв огромного орла.

– Нет.

– Пахнет серой, как в преисподней! Этот монах всегда пускает обильные ветры и отбивает у меня клиентов. Я специально поставил вазоны (а они мне недешево обошлись!), чтобы людям было приятно коротать время за чашей вина в прохладной тени, наслаждаясь видом цветов. А что получается? Вместо цветочных ароматов они нюхают адские миазмы.

Эсташ лишь улыбнулся в ответ. Знал бы хозяин бodega, какой дух стоит в трюме корабля, особенно ночью, когда там почивают матросы. Тогда ветры бедного монашека показались бы ему королевским бальзамом из роз...

Алонсо принес Эсташу тапас с сыром «манчего» и хамоном-иберики, который толедцы делали из мяса черных свиней иберийской породы. Их откармливали только желудями, которые были очень сладкими. Именно такой хамон поставлялся ко двору Альфонсо VIII Благородного, короля Кастилии.

Он был дорогим, но Эсташ мог себе позволить такую роскошь. Ведь кроме отцовских денег, которыми он расплачивался за обучение и за жилье, у него еще оставалось несколько мараведи³⁰, которые юноша получил от Робера де Брезе в знак признательности. Капитан нефа не забыл, как помог ему юный пассажир, когда он дрался с долговязым бербером, мастерски владеющим клинком.

Эсташ, конечно, мог отказаться от этого дара, проявив дворянское благородство, но не стал. Когда в полупустом кошельке ветер гуляет, как мыши по кладовой бедняка, не до аристократической спеси. Да и за время обучения морским премудростям в качестве шипбоя он изрядно огрубел и набрался простонародных матросских привычек. Дают – бери, бьют – огрызайся, а не можешь достойно ответить – беги.

Юноша сидел, жевал несколько жестковатый хамон – правда, вкус у него был восхитительный, – и размышлял о своем житье-бытье в Толедо. Комната у сеньора Маурисио ему нра-

³⁰ Мараведи – португальская и испанская золотые монеты. Граф Афонсу I (1128–1139), а затем король Португалии (1139–1185), выпустил золотые мараведи 931-й пробы весом 3,9 г. Монеты этого типа продолжали чеканить короли Саншу I (1185–1212) и Афонсу II (1212–1223). Король Кастилии Альфонсо VIII (1158–1214) чеканил золотые «маработино альфонсино», содержавшие 3,46 г золота при общем весе 3,866 г.

вилась. Она была, во-первых, по деньгам Эташа (старый говорун был рад без памяти, заполучив благодарного слушателя своих рассказней, поэтому изрядно снизил цену), а во-вторых, два окна комнаты выходили не на обычную для Толедо узкую улицу-коридор, куда солнце заглядывало лишь во время сиесты, и то ненадолго, а на площадь перед церковью.

Прежде это была мечеть мавров, которую перестроили после реконкисты³¹. Она пленяла изысканной красотой, так как во внешнем облике здания мало что поменялось. А мавры были большими мастерами украшать свои дома и храмы различными архитектурными элементами, местами даже излишними. Особенно впечатляла высокая звонница, переделанная из минарета.

Но не только эта достопримечательность радовала взор Эташа. Площадь перед церковью напоминала клумбу, так много там было различных цветущих растений, кустарников и даже невысоких деревьев. Он мог подолгу сидеть возле открытого окна и любоваться кусочком живой природы, что невозможно было сделать в каменных дебрях города с его очень плотной застройкой.

Эташ думал об одном: зачем ему школа переводчиков? Оказавшись внутри славившегося на всю Европу учебного заведения, он с ужасом понял, что отец уготовил ему адские муки при жизни. Толпы умников, книжных червей, с утра до вечера копошились в чреве просторного здания неподалеку от Алькасара. В школе не только учили языкам; после ее окончания наиболее способных выпускников усаживали за перевод и переписывание различных трудов ученых древности.

Школу основал монах-бенедиктинец дон Раймундо, архиепископ Толедо, тридцать лет назад. Он понимал, что арабская философия должна быть доступна для тех, кто читал книги, написанные на латинском.

Поначалу к переводческому труду дон Раймундо привлек одного из самых выдающихся ученых – Доминго Гундисальво, архиепископа Сеговии, который перевел значительную часть энциклопедического медицинского трактата Авиценны (Ибн-Сины) под названием «Книга лечения», а также много других сочинений арабских авторов. Да вот беда – Гундисальво не знал арабского языка. Поэтому он использовал еврейских и мавританских посредников, которые переводили с арабского на кастильский язык, а затем сам переводил уже с кастильского на латынь.

Тогда дон Раймундо и осенила мысль готовить переводчиков, знатоков иноземных языков, в частности – арабского, в самом Толедо.

Самый значительный из толедских переводчиков был, бесспорно, Джерардо из Кремоны. Он прибыл в Толедо, получив образование в Италии, чтобы узнать побольше об «Альмагесте».

Этот астрономический трактат Клавдия Птолемея, выдающегося греческого астронома II века, существовал только в арабском переводе. Джерардо нашел в Толедо много научных трудов на арабском языке и сразу же начал изучать этот язык, чтобы прочесть их и впоследствии перевести на латынь. Всего он перевел более семидесяти работ, в том числе и трактат «Альмагест», перевод которого завершил совсем недавно, в 1175 году.

Эташу посчастливилось увидеть старого переводчика. Он уже еле ходил, и его поддерживали под руки два ученика школы. Седой, длинноволосый, с неухоженной клочковатой бородой и, как показалось юноше, какими-то безумными, изрядно выцветшими от старости глазами, он произвел на Эташа незабываемое впечатление.

Представив себя на месте Джерардо из Кремоны, бедный школяр почувствовал, как в груди появилась дурнота. Сидеть сиднем многие годы в тесной камерке, скрипеть пером, напрягая зрение, чтобы впоследствии стать близоруким, а то и вообще слепцом, питаться, как птичка, – крошками, видеть солнце только в крохотном окне, а о море, о свежем ветре, который

³¹ Реконкиста (718–1492) – многовековая война пиренейских христиан (в основном испанцев и португальцев) за возвращение своих земель на Пиренейском полуострове, занятых маврскими эмиратами.

туго надувает парус и хлестко, но чертовски приятно бьет по лицу, даже не стоит и мечтать... Ну уж нет, увольте!

К дьяволу все науки! Лучше упасть грудью на меч! Или погибнуть в честном бою, среди бескрайней водной равнины, чем глотать на суше пыль манускриптов и сражаться с книжной молью гусиным пером.

Языки Эташу всегда давались легко. Латынь он усвоил достаточно быстро – сказывались усилия патера Алоизиуса. Отец нанял его, чтобы тот вправил мозги буйным сыновьям, которые занимались всем, чем угодно (в основном бузотерили), но только не прилежной учебой в епископальной школе.

Что касается арабского языка, то здесь юный Баскет изрядно хромал. И не потому, что не мог осилить арабскую вязь. А по причине более прозаической – ему было лень тратить время на бессмысленную, по его мнению, зубрежку речи мавров и сарацин, с которыми если ему и придется когда-нибудь иметь дело, то только в морском сражении.

А там есть лишь один язык – язык стального клинка, весьма доходчивый и понятный всем. Эташ постепенно пришел к твердому убеждению, что никогда не станет корпеть над переводами и ни в коем случае не натянет на себя пышные одежды дипломата. Ведь давно известно, что у дипломатов раздвоенный язык – как у змей. Думают одно, говорят другое, а на поверку выходит нечто третье.

То ли дело стоять на палубе корабля в качестве капитана и отдавать приказы матросам простыми и доходчивыми словами. Приказы, которые не предполагают разных толкований, – нужно исполнять и только.

Неожиданно послышался какой-то шум, который отвлек юношу от его мыслей. Он обернулся и увидел, что назревает драка. Ее зачинщиком был надменный кабальеро, которому чем-то не угодил завсегдатай «Фама Кастилия», которого звали Рамон. Это был невысокий худощавый мужчина, одетый в изрядно поношенные одежды черного цвета, но державшийся с достоинством знатного идадьго.

Алонсо, похоже, знал, кто такой Рамон, и относился к нему с непонятым уважением. Хозяин бодеги всегда освобождал для него лучший столик и подавал весьма недурное вино, чего Эташ не замечал за ним в отношении многих других клиентов.

Рамон мог сидеть часами в полной задумчивости, уставившись пустыми глазами куда-то в пространство. Поймать взгляд его глаз, черных, как андалусская ночь, было невозможно: он был каким-то ускользающим. Но однажды взгляды Эташа и Рамона столкнулись, и юноше показалось, что его обожгло. Притом не огнем, а ледящим холодом.

Это были глаза убийцы. Уж в этом Эташ понимал толк. Скорее всего, испанец был махо³² – бретёром.

Поэтому юноша всегда вежливо приветствовал Рамона и старался с ним не сталкиваться ни по какому поводу. Нет, юноша не боялся испанца; но Эташ не был задирой, которого хлебом не корми, а дай с кем-нибудь подраться. Кроме того, в случае с Рамоном он не был абсолютно уверен, что сможет его одолеть.

Испанец двигался, как большой кот, – тихо, мягко и пружинисто, что предполагало большую опасность с его стороны в случае стычки. Оружия он не носил, но Эташ был уверен, что под его потрепанной одеждой, которая явно знала лучшие времена, судя по дороговому материалу, спрятана наваха.

И конечно же, ссора переросла в схватку на ножах. Кто бы сомневался... Ведь в Испании мужчины никогда не расстаются с навахой. Рамон мигом обмотал свой короткий плащ-капу

³² Махо – чаще всего выходцы из обедневших провинциалов. Махо были настоящими бандитами, которые всем своим видом и манерой поведения подчеркивали глубочайшее презрение к окружающим. Но аморальность жизни махо, их песни и танцы с тамбуринами, кастаньетами и гитарами – все это было чрезвычайно притягательным для высшего общества.

вокруг левой руки, а наваху открыл зубами. Она была у него длиннее обычной – той, которой все пользовались в мирных целях во время еды.

Со стороны схватка напоминала испанский танец. Бойцы, стоя на месте, время от времени делали резкое движение плечом или раздражались звонкой трелью подкованных каблучков по плитам мостовой. Они медленно кружили один возле другого, неожиданно застывая на месте, а затем, внезапно сблизившись, резко наносили удар. Потом следовал отскок на безопасную дистанцию, и непрерывное кружение продолжалось.

Рамон низко пригнулся и стал похож на кота, готового прыгнуть на мышшь. Это была андалусская боевая стойка; Большой Готье показывал ее Эсташу.

Его противник выбрал наваррскую стойку – лицо было повернуто к Рамону, свободная рука поднята, левая нога выставлена вперед, а нож находился возле правого бедра. В ответ на стремительные атаки Рамона кабальеро мгновенно разворачивался на левой ноге, пропуская его мимо себя, и пытался всадить ему нож в шею или в бок.

Но Рамон оказался чересчур быстрым для него – кабальеро просто не успевал за движениями своего противника.

Кабальеро то поднимался на носки, то приседал, становясь при этом великаном или карликом. Он резко отступал, затем стремительно нападавал, прыгал вправо и влево, взмахивал своим оружием как дротиком, будто собираясь метнуть его в Рамона. Однако острие его навахи неизменно наталкивалось на свернутый плащ противника, готового к защите и отвечавшего на эти выпады такими же быстрыми, меткими ударами.

Как ни силен был кабальеро, но он стал постепенно уставать. Пот струился по его смуглому лицу, грудь вздымалась наподобие кузнечных мехов, а прыжки потеряли прежнюю упругость. Что касается Рамона, то казалось, будто он только что начал бой. Лишь его узкое лицо еще больше заострилось, а в глазах уже властвовала не темная ночь, а адское пламя.

В какой-то неуловимый момент Рамон снова низко пригнулся и, выставив вперед левую руку с плащом, бросился вперед. Казалось, что он намеревается нанести удар снизу. Но внезапно разогнувшись и наклонившись в сторону, Рамон нанес удар из разряда смертельных – «desjarretazo».

Рамон ударил кабальеро сзади, под последнее ребро; таким приемом обычно перерубают позвоночник. Но тому здорово повезло; клинок не достал до хрящей. Тем не менее кабальеро сначала пошатнулся, а затем медленно завалился на бок. Из раны обильно потекла кровь.

Рамон отбил каблучками своих башмаков победную дробь и поторопился покинуть место схватки. Ему явно не хотелось попасть в лапы альгвасила³³, который был скор на расправу с нарушителями порядка.

³³ Альгвасил – в средневековой Испании выполнял полицейские функции и подчинялся алькайду, следившему от имени короля за выполнением законов на вверенной ему территории. Альгвасилы избирались городским советом, обычно на один год, но после выборов должность переходила в их собственность, которую они (или их наследники) могли перепродать. В период испанской инквизиции существовала почетная и уважаемая должность «Великий альгвасил» – судебный пристав в верховном совете инквизиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.